

МАРГО АРНЕЛЛ

ВОЛШЕБНЫЕ САДЫ
ПОПАДАНКИ

Марго Арнелл

Волшебные сады попаданки

<https://litres.ru/74316114>

SelfPub; 2026

Аннотация

В пятьдесят пять – в новый мир, в тело красавицы-злодейки. Но какой магией обладала Адалин и что случилось с ее волшебным садом?

Этими вопросами задается и белокурый целитель – кажется, единственный, кого не отпугивает моя репутация, и таинственный хранитель лорд Блэйк, считающий меня своим главным врагом.

Что ж, в таком жутком виде сад я точно не оставлю. А попутно разберусь и с собственной магией и с тем, чего желает мое сердце.

Содержание

1. Леди Адалин	4
2. Сад поместья Линнери	9
3. Скрытая правда	16
4. Гость среди теней	21
5. Последнее предупреждение	26
6. Шипы и надежды	33
7. Союзник	39
8. Поросшие терном	45
9. Новые знакомства	51
10. Дневник Адалин	58
11. Тень прошлого	64
12. Белое пламя	71
13. Цена ошибки	80
14. Помощь Себастьяна	86
15. Новая встреча	93
16. Снадобье	98
17. Просьба о помощи	103
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Волшебные сады попаданки

1. Леди Адалин

Я вышла из автобуса последней, придерживая сумку с семенами, пустыми контейнерами, луковицами георгинов и новенькими садовыми перчатками. Городская пыль, налипшая за день на лицо и волосы, казалась чем-то инородным здесь, в тишине, которую я так любила.

Ни звонков, ни уведомлений, ни пустых разговоров. Лишь старый деревянный домик с облупленной краской, скрипучим крыльцом и занозами в перилах. Моя крепость. Мое любимое дачное королевство.

В нос ударил влажный запах леса, сырой травы и дыма от дачных костров. Я вдохнула полной грудью. Только здесь мне дышалось по-настоящему легко.

Мне было пятьдесят пять. Седина в волосах уже не пугала, и все, что когда-то казалось важным — карьера, вечные пробки, магазины, политические споры на кухне с мужем (бывшим), — осталось далеко позади.

Взрослая дочь давно жила со своим мужем на другом конце города, и, по правде говоря, им было удобно, что мать

и теща увлекается “своими грядками” и не требует особого внимания. А мне и впрямь не нужно было много. Только старенькая дача с облупившейся краской и треснувшей водосточной трубой, которая, как и я, упрямо не сдавалась ни годам, ни погоде. А еще немного земли, запах перегноя, пение дроздов на рассвете и ощущение, что ты не мешаешь миру, а становишься его частью.

Природа — она ведь как человек: если к ней с добром, она откликнется. Потому я частенько садилась на корточки у своих грядок и говорила с землей: с кустами смородины, с молодой березкой за забором, с лилейниками, которые упрямо не хотели цвести.

Земля всегда отзывалась на ласку. Она терпеливо принимала ошибки, прощала неумелые руки и щедро платила за заботу. Потому именно среди нее, среди природы, я чувствовала себя своей.

На второй день на даче я решила, что пора наконец-то срезать старую засохшую ветку яблони, которая угрожающе нависала над крыльцом с самой осени. Взяла пилу и, недолго думая, взгромоздилась на старый стул. Все потому что лестница стояла в сарае под ворохом ящиков, ветоши и банок с краской.

Все шло хорошо, но только до момента, как ветка хрустнула... и одновременно с этим шаткий стул повело назад. Небо качнулось. Последнее, что я помню — удар, запах цветущего чабреца и... темнота.

Первое, что я почувствовала, — небывалую мягкость. Нетипичную ни для земли, ни для пружин старого дивана, на который меня мог бы перенести сосед. Я лежала на чем-то воздушном, почти невесомом и напоминающем ватное облако... или перину.

И пахло совсем не по-больничному: ладаном, мятой и чем-то еще травяным, но уже не знакомым. Я открыла глаза.

Потолок был высоким, беленым, с лепниной. Над кроватью висел полупрозрачный балдахин. Комната была огромной, с мраморными колоннами и очень светлой. Несмотря на то, что солнечный день был в самом разгаре, в камине потрескивали угли.

Я приподнялась и замерла, уловив в зеркале трюмо свое отражение. Но... нет, не мое.

Там была совсем молодая женщина лет двадцати двух-двадцати пяти. С выющимися светлыми волосами до плеч, гладкой кожей и большими глазами. Я медленно подняла руку, и она — молодая, гибкая — сделала то же самое.

Это что, какая-то галлюцинация? Или зеркало зачаровано? Хотя... стоп, о чем это я?

— Что за чертовщина здесь происходит?!

Дрожащими пальцами я коснулась лица. Щека была гладкой, нежной, теплой... настоящей. Я зачем-то дотронулась до губ, оглядела руки. Никаких морщинок и дряблой кожи,

никаких мозолей на длинных тонких пальцах.

Я тяжело поднялась с кровати.

Наверное, точно решила бы, что это сон, если бы не чувствовала себя разбитой на осколки и заново склеенной вазой. Тело едва меня слушалось, как будто его разобрали на фрагменты, а затем собрали заново.

Но разве во сне можно испытывать даже не боль, а такие странные и сложные ощущения?

Дверь отворилась почти бесшумно. В комнату вошла девушка в сером платье с фартуком и белым чепцом. Невысокая, с миловидным и добрым лицом. Поставила на столик поднос с супом и хлебом. Только сейчас увидев меня, застывшую у зеркала, и выронила ложку.

— Леди Адалин? Вы... проснулись?! — Девушка метнулась ко мне. — Богини земли, вы ходите! О, небеса...

Я поморгала, ошеломленная, и неосознанно прижала ладонь к груди. Сердце никогда меня не беспокоило, но для одного короткого дня было слишком много потрясений. Впрочем, я все еще ничего не понимала.

— Где я? Что происходит? Кто вы такая?

— Милли, миледи, ваша горничная! Ох, немудрено, что вы меня не помните. Вы очень долго болели. Целители говорили, что это проклятие, что вы уже никогда не очнетесь. А вы...

— Проклятие?

Мои губы едва ворочались, но слабость тут ни при чем.

— Да, миледи. Вас никто не мог исцелить. Даже господина Дерона... — Она осеклась, будто вспомнила что-то важное. — Я позову его прямо сейчас, и он все вам объяснит!

Она выбежала, а я опустилась обратно на край кровати. Мои ноги касались мраморного пола. Босые, красивые, как у танцовщицы. В голове звенело, но не от боли, а от невозможности происходящего.

Я снова молода, я нахожусь в незнакомом месте, и... в незнакомом теле. Я теперь — Адалин. Кем бы она ни была.

Через открытое окно до меня доносились знакомые запахи влажной земли, трав и мокрых после дождя листьев. И вдруг мне показалось, что едва слышный, почти призрачный голос прошептал:

— Ты пришла. Наконец ты здесь.

2. Сад поместья Линнери

Я стояла перед высоким зеркалом, затянутом в резную раму из темного дерева, и пыталась свыкнуться с собственным отражением. Незнакомка смотрела на меня с недоверием, как будто сама не могло поверить, что живет.

Спустя несколько минут дверь отворилась снова. Вошел мужчина — высокий, худощавый, в темно-синем камзоле с серебряными застёжками. Волосы — белые, но не седые, а именно белые, как у альбиноса, собраны в низкий хвост. Глаза серые, холодные и внимательные. Широким шагом он прошел до середины комнаты, не сводя с меня внимательно-го взгляда.

— Леди Линнери, я рад, что вы пришли в сознание. Милли сказала, что вы не узнали ее...

— По правде говоря, вас я тоже не помню, — призналась я.

Дерон вскинул белесые брови, в глазах промелькнула настороженность.

— Вот как?

— После того, как я очнулась... все вокруг как в тумане. — Я коснулась пальцами виска. — Я не помню ни только, кто вы и где я, но и... Кто я сама такая. Как будто мои воспоминания стерли. Но мне нужно понять, кто я... и что здесь происходит.

Он назвался магом, что говорило о многом. Возможно, он сумел бы принять то, что я — никакая не Адалин Линнери, а... Анна Николаевна Загорская пятидесяти пяти лет. Но что, если даже Дерон расценил бы мои слова как признак помутнения рассудка?

Нет, я не могу пока так рисковать. Сначала выведу все про мою новую реальность — и, вероятно, новую личину, а потом уже решу, что делать.

К чести Дерона, мое признание не лишило его выдержки и невозмутимости. Он выглядел и вел себя как человек, повидавший многое на своем веку. Что ж, это даже к лучшему.

— Позвольте представиться: Себастьян Дерон, ваш лечащий маг. По правде говоря... Я удивлен тому, что вы стоите на ногах. В последние дни вы так ослабли, что не вылезали из постели.

— Мира сказала мне о проклятии...

— Увы, да. Болезнь, которая охватила вас, была странной. Ни одно зелье, ни один ритуал, ни одно заклинание не помогало.

— И вы не знаете, что именно это за проклятие?

Он посмотрел на меня пристальнее прежнего.

— Мы многое не знаем, миледи. Некоторые вещи хотят оставаться непонятыми.

Ну спасибо, загадочно и ни капли не полезного. Дерон явно что-то недоговаривал. Он не мог мне сказать? Или... не хотел?

Я помассировала виски. Куда больше загадочной напасти меня интересовало другое.

— Вы можете сказать мне... кто я такая? Чуть больше рассказать обо мне?

— Конечно, миледи. — Дерон застыл, заложив руки за спину и неувовимо напоминая чопорного дворецкого. — Вы — Адалин Линнери. Последняя представительница древнего рода, уходящего корнями в доимперские времена. Владетельница поместья Линнери. Единственная наследница титула и земли.

Я поморгала.

— Последняя?

От этого слова веяло горечью... и одиночеством.

— Ваш род постепенно угасал. У вас нет братьев, сестер, кузенов. Ни одного Линнери, кроме вас, не осталось. Мне... жаль.

Однако Дерон произнес это таким же ровным тоном, каким мог сообщить мне породу своего пса.

— Я приду вечером, чтобы справиться о вашем здоровье и, возможно, назначить какие-нибудь отвары. А пока вам нужно отдохнуть и набраться сил. Милли позаботится о вас.

Он поклонился и вышел, оставив за собой ощущение повисшей в воздухе недосказанности. Покусывая губы, я задумчиво смотрела в окно.

Все это слишком сильно напоминало начало книги, которую я прошлым летом читала по вечерам на даче. Там тоже

была героиня, погибшая в своем мире и попавшая в другой. Волшебный. Вот только я не могла вспомнить, чем все закончилось.

Значит, там, на Земле, я действительно умерла. Но почему я переродилась? И почему именно в это тело? Почему именно я? А если проклятие, стоившее жизни Адалин, вернется? Если это тело — не подарок, а ловушка?

Я решительно поднялась. Столько вопросов, но где искать ответы? Я не знаю Дерона и не доверяю ему настолько, чтобы рассказать обо всем.

Что ж... Пока остается радоваться тому, что я жива, молода и невредима.

Только я собиралась вызвать горничную, как она сама заглянула через открытую дверь.

— Госпожа, вам что-нибудь нужно?

— Нет, я... Хочу пройтись. Подышать свежим воздухом. И взглянуть на свои... владения.

Милли прикусила губу, замаявшись.

— Миледи, вы только-только отошли от долгой болезни... Может, вам стоит для начала набраться сил?

Эта тревожная заботливость у нее, похоже, в крови. Я тепло ей улыбнулась. Нечасто встретишь людей, которые искренне за тебя переживают.

— Все в порядке, Милли. Я чувствую себя гораздо лучше.

Однако мои руки чуть дрожали, когда я надевала тонкое платье жемчужного цвета, расшитое бледными нитями.

Слишком изысканное для прогулки, но ничего скромнее в моих шкафах не нашлось.

Милли порывалась помочь мне, что до ужаса меня смущало. В конце концов, даже в теле Адалин, я — вполне себе взрослая женщина. Что я, сама одеться не смогу? Но, вероятно, здесь было принято иначе.

Я спустилась по лестнице на первый этаж, не уставая поражаться тому, как огромен этот дом. Неужели Адалин не было тут одиноко и даже... страшно? В фильмах в подобных домах по ночам обычно не случается ничего хорошего.

И именно здесь мне теперь и жить.

Вместе с Милли я бродила по поместью. В стороне от дома обнаружилась длинная каменная площадка, нечто вроде галереи, почти скрытой выюнком. Оттуда открывался вид на то, что когда-то было фонтаном. Теперь он стоял сухой, с выщербленными краями, заваленный листьями и мхом.

Я прошла дальше, мимо овальной площадки, возможно, летнего театра, с треснувшими скамьями и покрытой трещинами сценой. Дальше — старые теплицы. Остов стеклянных конструкций, поросших все тем же мхом и дикими травами. Ничего, их можно будет привести в порядок и в дальнейшем использовать. Но почему этого не делала Адалин?

На моем пути встретились каменные гроты, почти обвалившиеся и поросшие лишайником. Один из них, судя по вырезанным на нем символам, мог быть жертвенником. Или... порталом.

— Милли, что это?

Горничная отвела взгляд.

— Не знаю, миледи.

Прищурившись, я смотрела на нее. Меня преследовало неприятное ощущение, что она мне врала. Прекрасно. Горничная лжет, лечащий маг о чем-то явно недоговаривает. Да что здесь происходит?!

Вдыхая свежий воздух, я неспешно прогуливалась по мощенной белым камнем дорожке. Ветви вязов свисали над ней, словно седые волосы, газоны были выжжены солнцем — травы почти не осталось. Когда дорожка кончилась, я оказалась перед невысокой аркой, ведущей в сады, занимающие едва ли не треть всего поместья.

Стоило сделать шаг вперед, земля издала тонкий звук. Он напомнил мне вздох и заставил поежиться. Но то, что ждало меня внутри, заставило сердце и вовсе заныть.

Иссохшие деревья скрючились, изгибаясь под немислимыми углами, как будто кто-то упорный тянул их к земле. Некогда прекрасные статуи обвивал колючий плющ — черный, будто сгоревший. Цветы завяли, трава сгнила. Повсюду росли странные сорняки, ошестинившиеся шипами и иголками. При взгляде на них меня пронзало жуткое чувство, будто они осознавали себя хозяевами здесь.

Потрескавшаяся земля. Болотистый, темный пруд. Разруха и запустение.

Я охала, не отнимая руки от груди над уровнем сердца.

Видеть подобное тому, кто так любит природу — и дикую, и рукотворную... Все равно что ребенку встретиться с целым выводком больных щенят.

— Кто мог довести сад до такого состояния? — выдавила я.

Обернулась к Милли. Та стояла, нервно комкая в руках передник. Бесхитростные голубые глаза были полны вины.

— Вы, миледи.

3. Скрытая правда

Мне словно вонзили иглу под сердце. Потребовалось время, чтобы понять: Милли, конечно же, говорила о настоящей Адалин. Я не ответственна за ее поступки.

— Как это произошло? Как я могла это допустить?

Горничная сглотнула.

— Я не думаю, что вправе...

— Милли, — вздохнула я. — Рассказывай. Я хочу знать.

— После смерти вашего отца... вы... закрылись. Сад, да и все поместье, как будто начал угасать вместе с вами. Даже... умирать. Я и другие слуги предлагали вам призвать природных магов, чтобы восстановить сад. Но вы и слушать ничего не желали.

— К слову, а где все остальные слуги?

Я не смогла толком осмотреть особняк, но успела обратить внимание на противоестественную для такого роскошного и большого дома тишину. Да и когда я пришла в себя в теле Аделин, рядом оказалась лишь Милли. И больше никого.

— Никого не осталось. Только я.

— Почему?

На лицо Милли легла тень. Она покусывала губы и смотрела вдаль, не желая встречаться со мной взглядом.

— Милли... — Я уже начинала терять терпение. — Давай

договоримся. Если я о чем-то тебя спрашиваю, ты отвечаешь, вне зависимости от того, ранит ли правда мои чувства или нет. Я не хрупкая игрушка, не разобьюсь.

— У вас непростой характер, госпожа, — тихо сказала она.

Ох. Вот как?

— Настолько, что от меня сбежали все слуги? — изумилась я.

Милли, зажмурившись, кивнула.

Ну Адалин... Удружила так удружила.

Качая головой, я смотрела на сад, в котором царила разруха. На все эти сорняки и уродливые корни, оплетающие изящные скамеечки. И снова мне почудился чей-то шепот и чье-то дыхание. Вдруг показалось, что сад кричит, но не от ярости, а от боли. Как будто зовет меня, словно живое существо, брошенное и забытое прежним хозяином.

Эта земля просила не просто культиватора и мотыги... а помощи.

В глубокой задумчивости я направилась к выходу из сада. Стоило только миновать арку, и я увидела Себастьяна, в растерянности озирающегося по сторонам. Кажется, он успел побывать в доме, но не обнаружил там ни Милли, ни меня.

Я удивленно подняла взгляд на небо. Оказывается, моя прогулка затянулась — уже начало вечереть.

— Госпожа Линнери? Мало того, что вы так быстро поднялись с постели, так вы еще и гуляли!

— Верно, — спокойно ответила я. — Признаюсь, я живая. И любопытная.

— А еще недавно вы были на грани смерти, — заметил Себастьян, подходя ближе. — Простите мне настойчивость, миледи. Но я не могу позволить вам навредить себе.

Я вздохнула. По правде говоря, я и впрямь ощущала слабость. И вообще, события этого долгого дня до сих пор кружили мне голову. И немного — сомневаться в собственном здравом рассудке.

Но если я проснусь завтра, и все останется по-прежнему... Значит, происходящее — точно не сон.

— Миледи, вы позволите мне осмотреть вас?

— Да, конечно. — Толика благоразумия мне не повредит. — Вернемся в мои покои.

Что мы и сделали в сопровождении Милли. Однако я успела уже устать от того, что она неотступно следует за мной. Попросила ее заварить нам с Себастьяном чай. Милли, с готовностью кивнув, удалилась.

Мы с Себастьяном остались в моей спальне наедине.

Я не осознавала двойственности ситуации, пока он не попросил меня лечь на кровать. А потом жестом приглушил свет в комнате — фитили свечей будто втянули в себя огоньки. Себастьян подошел ближе и навис надо мной, вытянув ладони. Они едва касались воздуха в нескольких дюймах от моей кожи. Я невольно затаила дыхание.

Он медленно водил ладонями над моим телом. Начал с

головы, перешел к шее, грудной клетке, животу... В его движениях не было ни пошлости, ни суеты. Только концентрация. Ясно дело, Себастьян призывал и использовал невидимую для меня магию.

И все же интересно: что же он видел? Каким он, маг, видел и мое тело, и весь окружающий мир?

Дойдя до кистей, он замер. Белесые брови удивленно приподнялись.

— Невероятно. Я не вижу... ничего. Ни остаточных потоков, ни следов искажения ауры. Болезнь исчезла полностью. Как будто ее никогда не было.

— А она была? — Я склонила голову. — Или это было... что-то другое?

Он молча открыл свой саквояж — кожаный, с широким дном и сужающийся кверху, похожий на старинный медицинский — и достал несколько склянок. Снадобье в одной из них отливало золотым, в другом — дымчато-серым, а третья переливалась розоватым светом, как утренняя заря.

— Для укрепления организма, — коротко сказал лечащий маг. — Одно на ночь, второе утром, третье — если почувствуете слабость и ломоту в костях.

— Благодарю. — Поднявшись на кровати, я приняла зелья, но взгляд не отвела. — И все же, Себастьян... Вы говорили, это было проклятие. Но какого рода? И кто наслал его на меня?

Он на мгновение прикрыл глаза и только потом посмотрел

на меня — открыто и прямо.

— Есть вещи, миледи, которые предпочитают дремать в темноте и быть сокрытыми навеки. Они как дикий зверь в мрачной, темной пещере. Если пытаться разбудить их раньше времени... просыпается совсем не то, чего мы ждали.

— Это не ответ, — нахмурилась я.

— Ответ. Лучший из всех возможных. К истинной правде вы, я боюсь, пока не готовы.

Я хотела сказать ему то же самое, что Милли. Или даже резче — что сама решу, к чему я готова, а к чему нет.

Однако Себастьян не дал мне шанса это сделать. Поклонился и вышел, оставляя меня со склянками в руках и целым ворохом вопросов в голове. Он как будто пытался уберечь меня от правды. Но... почему?

4. Гость среди теней

Я проснулась внезапно, как будто меня резко, за шиворот, выдернули из сна.

Воздух был неподвижен, но в нем что-то дрожало, как в теле, охваченном лихорадкой. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного... Но, справедливости ради, никогда прежде мне не приходилось просыпаться в чужом, магическом мире.

Выходит, это все — и правда не сон.

Сначала я не поняла, что именно меня разбудило. А потом услышала тихий, неестественно рваный звук, доносящийся до меня через открытое окно. Как будто кто-то ступал по сухим, ломким веткам. Или что-то кралось по ним.

Где-то очень далеко, за несколькими слоями здравого смысла, моей усталости и рациональности, пробудилось шестое чувство. Там, в саду, кто-то есть. Тот, кому определено не положено там находиться.

В первую секунду мне стало страшно. А во вторую мелькнула мысль: второй раз я не умру. Во всяком случае, не так скоро. Иначе на месте высших сил это как-то на редкость глупый поступок — дать мне второй шанс, чтобы тут же его отобрать.

Я поднялась с постели, поверх ночной сорочки накинула плащ. Босые ступни касались прохладного пола — в темноте

я никак не могла отыскать домашние тканевые туфли Аделин. Спросонья не могла сообразить, как зажечь в комнате свет.

Что ж, придется идти так. Не простыть бы.

Я усмехнулась собственным мыслям. Серьезно, Анна Николаевна? В вашем поместье бродит кто-то чужеродный — или нечто чужеродное, — а вы опасаетесь простыть?

Осторожно отворив дверь, я выскользнула в коридор.

Особняк спал. Почему-то именно сейчас, в ночи, особенно остро ощущалось, что это место дышало забытым величием и чем-то старым и терпким, как вино, забытое в погребке на пару столетий. Полумрак тянулся вдоль коридора, играя тенями на дубовых стенах. Огоньки зажженных свечей в канделябрах дрожали от моего дыхания.

Снаружи раздался резкий, высокий звук, напоминающий писк летучей мыши. Показалось, что сбоку от меня мелькнула какая-то тень. Я замерла, сердце ухнуло в пятки. Прикрыв глаза, сжала кулаки и досчитала до пяти.

— Не глупи, это всего лишь дом, — прошептала я.

Обычный огромный и пугающий особняк, в котором тени окружали меня на каждом шагу, а любые шорохи в ночи казались гораздо громче.

Почти не дыша и изредка замирая, я спустилась по лестнице.

На первом этаже царила другая темнота — густая, затаившаяся, воинственная. Она будто знала, что я здесь чужая.

Я прошла мимо арки, ведущей в столовую, и повернула в гостиную. У потухшего камина нащупала кочергу — толстую, тяжелую, с железным завитком на конце. Сжала ее обеими руками. Стало немного легче. Когда у тебя в руке нечто весомое, страх отступает на пару шагов.

Выйдя на крыльцо, я вдохнула холодный ночной воздух. Сад впереди казался черным, будто выжженное поле. Небо висело низко над головой, пряча луну, звезды были тусклыми, а садовые деревья казались скрюченными фигурами из чьего-то кошмара.

Я шла медленно, стараясь контролировать каждый шаг и шуметь как можно меньше. Не знаю, что ждало меня в саду, но я планировала застать его врасплох.

Миновав арку, я вошла в сад. Холодная, влажная трава липла к ступням, ветви деревьев и кусты шевелились — как мне почудилось, не всегда попадая в ритм с ветром, а следуя своему собственному. Статуи вдоль дорожки, деформированные временем и мхом, выглядели особенно зловещими. Казалось, будто они следят за мной.

Сложив губы трубочкой, я медленно выдохнула через рот. Дочка когда-то учила меня такому дыханию — практиковала его во время йоги. Правда, не могу сказать, что это помогло мне успокоиться.

И все же я продолжала двигаться вперед.

Уже почти дошла до центра сада, где находился пруд, когда увидела мелькнувший среди зарослей терновника мерца-

ющий огонек. Сияющий, тускло-голубой, он повис над плечом человека, как крохотная призванная луна.

Мужчина стоял ко мне спиной. Темные волосы, зачесанные назад, ровная осанка, почти военная выправка. На нем был длинный кожаный плащ, сшитый уж слишком хорошо для простого бродяги. Впрочем, судя по магическому огоньку, незнакомец точно не был простым.

Даже воздух вокруг него казался плотнее и тяжелее и будто потрескивал от невидимого напряжения. Еще один маг, как Себастьян Дерон. Вот только этот, вероятно, не был на моей стороне.

Я поудобнее перехватила кочергу, подняла ее повыше и отчетливо произнесла:

— Кто вы и что делаете на моей территории?

Незнакомец медленно повернулся. Я удивленно моргнула.

Строгое лицо, точеные черты лица: прямой нос, высокие, острые скулы и темные глаза, в которых не отражалось ни света, ни испуга — только сосредоточенность и какая-то древняя мудрость.

Незнакомец перевел взгляд с меня на кочергу в моих руках. Темные брови медленно поднялись в отчетливом изумлении. Он недоверчиво хмыкнул.

— Вы выбрали в качестве оружия кочергу?

— Я задала вопрос, — по слогам сказала я, цедя слова сквозь зубы.

И надеясь, что выгляжу достаточно угрожающей.

Незнакомец нахмурился. Посмотрел на меня с такой мрачностью, что у меня пересохло в горле.

— Тут всюду тьма, — тихо, почти обреченно произнес он. — И ее нужно уничтожить.

Я замерла. В его словах не было прямой угрозы, но звучали они с жуткой, леденящей искренностью фанатика.

Кажется, он безумен. А я... Я одна. Ни Милли, ни Себастьяна, ни даже стен — не было ничего между мной и этим странным магом. Кто, скажите мне на милость, внушил мне идиотскую, безрассудную идею покинуть дом и в одиночку отправиться сюда?

А теперь я в заброшенном саду, как в ловушке. И тьма и правда окружает меня со всех сторон.

5. Последнее предупреждение

— Это все нужно остановить!

Голос чужака, хлесткий, как удар плети, разрезал ночь. Я вздрогнула, крепче сжала кочергу, хотя и понимала, что толку от нее против мага — чуть больше, чем от кухонной ложки.

— Вас нужно остановить, — глухо добавил он.

Шагнул вперед. Свет от магического огонька озарил его лицо — красивые, но резкие черты, крепко стиснутая челюсть, а в глазах — темное пламя и стальные лезвия.

— Простите, что?

Я отпрянула назад. Горло сжалось от страха, ведь я понятия не имела, чего ждать от незнакомца. Однако голос, к счастью, не дрожал. Наоборот — звенел от переполняющего меня возмущения.

— Вы вломились на мою территорию, начали бормотать какие-то дикие угрозы... Надеюсь, вы не настолько безумны, чтобы думать, будто я оставлю это без ответа?

И почему я продолжала обращаться к нему на “вы”? Несмотря на то, что он, без сомнения, был моим врагом? Возможно, потому, что так обращался ко мне и сам незнакомец. А его взгляд и каждое движение тела говорило о том, что я была для него угрозой.

Станный этикет...

— Прекратите свои игры, Адалин, — сощуриив глаза, отчеканил он. — Эти ваши уловки на меня не действуют. Я знаю, что происходит в поместье Линнери. И я не позволю этому продолжаться.

— Да кто вы вообще такой? — вспыхнула я.

За долгие годы жизни мне приходилось иметь дело с разными людьми. После многих лет в торговле я, казалось, научилась спокойствию. Но пустые, ложные обвинения выводили меня из себя. Особенно сейчас — ведь, даже находясь на своей территории, я совсем не чувствовала себя защищенной. Наоборот, уязвимой.

Он на миг замер, словно только сейчас осознал, что я действительно не играю. Сложные эмоции прошли по его лицу, прежде чем он коротко, сдержанно произнес:

— Ну конечно, вы меня не помните. Стоило этого ожидать. Я — лорд Тэйн Элджернон Блэйк. Дозорный Ордена Света.

Ох... Значит, я не ошиблась. Он и правда какой-то церковник, одержимый светом. Что бы это ни значило. Но я-то тут причем?

— Звучит впечатляюще, — холодно сказала я. — Но еще больше я бы впечатлилась, если бы вы не врывались в поместье беззащитных женщин посреди ночи и не угрожал им.

— Беззащитных? — расхохотался он. — Это вы-то беззащитны, Адалин? Не знаю, к чему эта глупая игра, но я пытался поговорить с вами, и не раз. Пытался вразумить, на-

ставить на путь истинный. А что вы? Смотрели на меня так, будто я был пустым местом. Или вовсе смотрели мимо меня. Я бы принял это на свой счет, если бы мне не объяснили — так вы смотрите на каждого в Элдервуде. Все мы — лишь массовка в театре, где вы, несомненно, играете главную роль. Каждый из нас и ногтя вашего не стоит.

Его слова звучали так ядовито... но я чувствовала в них и что-то еще. Оскорбленное достоинство? Нет, глубже — чистую, раскаленную добела ненависть ко мне.

Ох, Адалин... Чувствую, я еще не раз пожалею о том, что моя душа угодила именно в твое тело.

— И еще кое-что, — подавшись вперед, процедил лорд Блэйк. Как будто всего сказанного было недостаточно. — Я не угрожаю. Только предупреждаю. Это место — очаг скверны. Если вы попытаетесь вновь пробудить эту тьму, я не стану ждать, пока она вырвется на волю.

— Вы определенно сошли с ума, — выдохнула я, сжимая кочергу так, что побелели пальцы. Рука, по правде говоря, уже начала уставать. — И мне нет дела до того, что вы там себе напридумывали, дозорный.

Показалось, что при упоминании звания или должности Тэйна, мускул на его лице нервно дернулся. Интересно, с чего бы это? Он ведь сам сообщил мне, кто он такой. Впрочем... с чего я жду логики и адекватности от безумного фанатика?

Распалаясь все больше, я резко взмахнула кочергой. Не

угрожающе, нет, просто сбрасывала скопившееся внутри напряжение.

— Я только пришла в себя после долгой болезни, и первое, что вижу — странный тип в моем саду, который бормочет что-то про скверну и обвиняет меня бог знает в чем!

Тэйн прищурился. Ясные, холодные глаза, в полумраке кажущиеся почти черными, вонзились в меня, будто стараясь разглядеть, что за обман кроется под моими словами. Или распознать тьму под привлекательной оболочкой Адалин.

— Хватит прикидываться. Я даю вам последний шанс. Оставьте эти земли.

— Вы издеваетесь? — вспыхнула я. — Да как вы вообще смеееете выгонять меня из моего родного поместья?

Не скрою, в этот миг во мне заговорила Адалин. Может, она была и не самой дружелюбной или даже приятной личностью... Но изгонять кого-то из дома, который принадлежит ему и является наследием почти исчезнувшего рода, — просто верх наглости.

— Вы еретичка, Адалин Линнери. Я знаю, что вы творили. Чувствовал это всем своим естеством. Вы разбудили то, что никогда не должно было быть призвано в этот мир.

Я дернулась, словно от пощечины. Ледяным тоном произнесла:

— Убирайтесь. Я никому не позволю являться ко мне, пугать меня и угрожать мне, прикрываясь маской спасителя и

поборника света!

Тэйн смотрел на меня еще несколько мгновений. Отступил на шаг, еще на один. Магический огонек над его плечом погас, и темнота вновь залила сад.

— Это мое последнее предупреждение, — глухо сказал он. — В следующий раз я не стану тратить время на слова.

— В следующий раз я возьму не кочергу, а топор, — парировала я.

Разумеется, это лишь блеф. Но я должна была что-то ответить, чтобы не выдать свой страх. Проклятый лорд Блэйк и правда угрожал мне. А я... Пятьдесят пять мне или двадцать пять, я всего лишь беззащитная женщина...

Хотя он отчего-то посмеялся над моими словами. Но почему?

На мой последний выпад Тэйн ничего не ответил. Развернулся и исчез, будто растворившись в чернильной тьме. А я осталась стоять среди мертвого сада, с бешено колотящимся сердцем.

Очнувшись пару минут спустя, тряхнула головой. Ну уж нет, я не позволю какому-то незнакомцу себя запугать. И он, и Себастьян — маги... Но это значит лишь то, что здесь — в Элдервуде, видимо — есть и другие.

Вернувшись в особняк, я перешагивала порог с тем же чувством, что, должно быть, бывает у героев древних баллад после поединка с драконом. Кочергу я неосознанно прихватила с собой в спальню.

Но ни она, ни успокаивающая мысль о магии, окружающей меня, не помогла мне уснуть. До самого рассвета я так и не сомкнула глаз. Лежала в постели, уставившись в потолок и чувствуя нарастающую внутри тревогу.

Мысли о случившемся не оставляли меня ни на мгновение — вплоть до того момента, как в спальню вошла Милли.

— Госпожа, вы уже проснулись! — радостно воскликнула она.

Наверное, не стоило говорить, что я толком и не ложилась. Ей ничего не грозит — лорд Блэйк явно нацелился на меня, но при этом Милли казалось мне очень чувствительной и тревожной особой. Ни к чему пугать ее лишний раз.

— Милли, ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Тэйн Элджернон Блэйк? Я когда-нибудь о нем упоминала?

Служанка замерла. Медленно обернулась, и по выражению ее лица я поняла — определенно да.

— Миледи... — Она закусил губу, явно решая, говорить или промолчать. Но, вероятно, вспомнила мои вчерашние слова. — Вам приходили письма от его имени. Несколько раз.

— И... ты знаешь, что там было?

Милли округлила и без того большие голубые глаза.

— Что вы, конечно, нет! Но вы... они всегда приводили вас в ярость. Последние письма вы рвали, даже не прочитав. А однажды я услышала... Я не подслушивала, честное слово! Я остановила ее взмахом руки.

— Я тебе верю. Продолжай.

— Однажды я слышала, как вы сказали: “Да как он смеет мне угрожать!”

Я похолодела. Выходит, лорд Блэйк преследует Адалин уже достаточно долго. Но этой ночью он впервые вторгся на ее — мою — территорию.

Осталось только понять, что с этим делать. И как уже мне — не Адалин — за себя постоять.

6. Шипы и надежды

— Милли... Это прозвучит странно, но... Я, случайно, не магичка? — Я запнулась. — Магесса? Или как тут говорят? — Тут? — недоуменно отозвалась служанка.

Я махнула рукой, призывая ее сфокусироваться на главном. Милли рассмеялась и смущенно потерла кончик носа.

— Нет, госпожа. Насколько мне известно, и ваши родители, и вы были простыми людьми. Ну то есть конечно не совсем простыми, у вас вон какой дом... Ой, я хотела сказать...

— Я поняла, что ты хотела сказать, — улыбнулась я.

Да уж, с моей стороны было глупо искать в словах чужака, вторгшегося ко мне среди ночи, рациональное зерно. Впрочем, красота — в глазах смотрящего, только тут все ровно наоборот. Не знаю, почему лорд Блэйк точил на меня зуб, но в его глазах я определенно была то ли жестокой ведьмой, то ли просто злодейкой, с легкостью расправляющейся с врагами чем-то похлеще кочерги.

Впрочем, тем лучше. Выше шанс, что он воздержится от активных действий — несмотря на угрозы. Он же поборник света, верно? По крайней мере, на словах. Значит, он не может призвать какие-нибудь темные чары или наслать на меня проклятие, стоившее Адалин жизни.

Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Разобраться бы в перипетиях здешней магии... Но об

этом нужно спрашивать точно не Милли. Придется дожидаться, пока Себастьян снова нагрянет ко мне в гости.

Какая-то часть меня хотела немедленно отправиться исследовать Элдервуд — и заодно отыскать в нем лечащего мага Адалин. Но другая... хотела иного, и она была сильнее.

Поддавшись ей, я вышла из поместья в самом скромном платье из тех, что обнаружились в комодке, и направилась к саду.

Может, это некая особенность моего характера или даже психики, но я не могла спокойно заниматься делами, зная, что в моих владениях находится... это. Царство разрухи, запустения и сорняков.

Теперь я здесь хозяйка. Это моя земля, а она — нечто вроде моего отражения. Я не могла позволить ей выглядеть так. И больше всего меня тяготил именно сад, а не разрушенный фонтан, заболоченный пруд или запущенная лужайка.

Я была твердо намерена восстановить его прежнюю красоту и величие. Работы предстояло много, безусловно... Но когда это я ее боялась?

Солнце щедро рассыпало по саду золотистую пыль, вот только общую картину это мало изменило. Я глубоко вдохнула прохладный утренний воздух, напоенный запахом прелой листвы и... гибели. Именно так пахло здесь, в сердце когда-то несомненно прекрасного сада. Резкий запах упадка, смешанный с еле уловимым ароматом удушающих сорняков.

— Начнем, пожалуй, с расчистки, — бойко сказала я.

Одно из преимуществ того, что слуги разбежались, не выдержав твоего характера, — ты можешь спокойно разговаривать сама с собой. Хотя в мире магии наверняка можно придумать и достоверные оправдания.

Интересно, есть ли в этом мире призраки и духи?

Я тряхнула головой. Не о том думаешь, Анна Николаевна. Совсем не о том.

Без особого труда я нашла подобие старого склада с грудой ржавого садового инвентаря. Внимательно осмотрела лежащие там инструменты: старинные лопаты с выгнутыми лезвиями, вилы с зазубренными зубцами, какие-то странные приспособления, назначение которых мне было неизвестно, и многое другое. Мой выбор пал на крепкую мотыгу с длинной деревянной ручкой и небольшую, но острую тяпку. С этого можно было начать.

Шаг за шагом я углублялась в заброшенный мир садов поместья Линнери. В первую очередь я решила освободить от сорняков один из цветников. К цветам я всегда испытывала особую слабость.

Я направилась к нему, стараясь не наступать на потрескавшуюся землю. И вдруг почувствовала, как будто кто-то за мной наблюдает. Впрочем, не в первые раз. Это странное ощущение преследовало меня едва ли не с самого прибытия в поместье... и в этот мир.

Однако после ночной встречи это чувство возросло сто-крат. Нет, так дело не пойдет — тут недалеко и до паранойи.

Вооружившись мотыгой, я принялась за работу. Первый удар пришелся по колючему кусту, укоренившемуся в самом центре цветника. Лезвие вошло легко, срезав толстый стебель. Я с усилием потянула мотыгу на себя. Вырвала колючую массу из земли, обнажив влажную, темную почву.

Что ж, первый шаг к возрождению сделан.

Я быстро вошла во вкус. Наносила удары, то и дело срывая поросль с корнем, и складывала ее в аккуратные кучи. Мышцы заныли, спина загудела, а ладони покрылись мелкими мозолями. Что ни говори, а аристократка Адалин Линнери не привыкла к подобной работе. Как и ее тело.

Однако я не обращала на мелкие неудобства внимания. Все мои мысли были заняты тем, как очистить эту землю и избавить ее от этой удушающей сети из терна, сорняков и шипов.

Когда солнце поднялось выше, я бросила короткий взгляд на небо. Кажется, пора сделать перерыв. На миг я уловила какой-то шорох — слабый, словно шелест тонких крыльев. Но ветер был тих и почти не касался ветвей странных, будто искореженных деревьев. А птицы, казалось, и вовсе избегали мои сады.

Наверное, это просто усталость. Я поправила шляпу, прикрывающую лицо от яркого солнца, и продолжила работу.

Вскоре шорох раздался снова. На этот раз он прозвучал чуть громче. Я была почти уверена, что кто-то прошмыгнул в кустах, которые росли по периметру цветника. Обернулась,

но увидела лишь побитую ветрами, иссохшую и пожелтевшую зелень. Глубоко вздохнула, успокаивая себя. В конце концов, если не птицы, то эта могла быть какая-то живность вроде белки.

Но на этом неприятные сюрпризы и странности не закончились.

Через несколько минут работы я ощутила ледяное и леденящее кровь прикосновение к шее. Вздогнула, от неожиданности выронив мотыгу. Порывисто обернулась... И конечно, позади никого не было. Лишь колючий плющ, облепивший древнюю статую.

Я глубоко вздохнула, стараясь успокоить учащенное бие-ние сердце. Страх, словно туман, обволакивал меня. Нельзя ему поддаваться. В конце концов, день в самом разгаре. Раз-ве что-то по-настоящему жуткое и мистическое может слу-читься днем?

С упрямством, достойным быка, я снова энергично при-нялась за дело. Солнце пекло все сильнее, работа продвига-лась медленно, но верно. Постепенно освобождаясь от ко-лючих тисков, цветник начинал дышать. Освобожденная от сорняков земля разрыхлялась.

Так приятно было представлять, как на этом месте вновь расцветут розы, как воздух наполнится их сладким арома-том...

Замечтавшись, я не сразу уловила перемены. В тени куста на мгновение промелькнула чья-то тень. Маленький силуэт,

больше подходящий ребенку и почти сразу же исчезнувший.

Я замерла. Сердце забилося где-то в горле. Шумно выдохнула. Возможно, мне просто нужно отдохнуть. Перенапряжение, усталость, жара... Все это могло вызвать странные видения.

Самое время вернуться в дом и сделать перерыв на обед.

Отложив инструменты, я направилась вперед по дорожке, ведущей к особняку. Однако меня преследовало ощущение, что в тених и лабиринтах сада кто-то наблюдает за мной.

7. Союзник

Когда я вернулась в особняк, платье было перепачкано, волосы спутаны, а пальцы — с занозами от шипов. Но внутри поселилось странное чувство правильности... Будто я — инструмент, настроенный впервые за долгие годы.

Как будто здесь и впрямь мое место.

Себастьян возник на пороге моей спальни с наступлением вечера. Без магического огонька, призывать который я, в отличие от некоторых, не умела, делать в саду было нечего. Потому я отдыхала после тяжелого трудового дня. Свою победу — полное освобождение одного из больших цветников от сорняков и погибших растений — я символично праздновала вкуснейшим цветочным чаем, заваренным Милли.

Лечащий маг появился в своей обычной манере: с мягким стуком в дверь и тихим, но уверенным шагом. Вежливо поздоровавшись, он вынул из саквояжа пузырек с переливающейся жидкостью.

— Я приготовил это снадобье специально для вас. Вам стоит его попробовать.

— Вы же уже дали мне целых три зелья, — напомнила я.

— Это — для пробуждения ваших воспоминаний. Но по правде говоря, прежде мне не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, — признался Себастьян. — Я лишь надеюсь, что оно поможет вам. Не представляю, каково это — жить,

не помня самого себя, не помня окружающего мира...

Я тепло поблагодарила его. Вот только старался он зря — пробуждать было нечего. Я — не Адалин, и ее памятью никогда не обладала.

— Если нужно, я могу сделать что-нибудь успокаивающее. Милли сказала, вы были взволнованы утром. Неважно себя чувствуете?

Я внимательнее взглянула на Себастьяна. Сегодня на нем был длинный сюртук из темного сукна, украшенный вышитыми амулетами и витиеватыми узорами. На шее был аккуратно повязан платок, заколотый булавкой с каким-то самоцветом — вряд ли дорогим, но, возможно, таящим в себе магическую силу. На его лице застыло добродушное беспокойство, а глаза казались мудрыми и уставшими. Глаза человека, который видел слишком много чужой боли.

Внезапно я поняла, что Адалин очень одинока. Возможно, Себастьян и Милли — единственные не только в этом доме, но и в целом мире, кто и правда желает ей — мне — добра.

— Прошлой ночью в поместье пробрался мужчина, — тихо произнесла я. — Честно говоря, до сих пор не знаю, как я услышала его и почему решила отправиться в сад в одиночку. Должно быть, инстинкт самосохранения дал сбой.

Лекарь не поддержал шутку, лишь встревоженно смотрел на меня.

— Кто это был?

— Он представился, как Тэйн Элджернон Блэйк.

Себастьян дернулся, словно от удара, лицо его потемнело. Вероятно, он был в курсе напряженных отношений лорда Блэйка с Адалин.

— Что он хотел от вас?

— Он обвинил меня в скверне, — хмуро сказала я. — И в ереси. И смотрел на меня так, будто я — угроза всему человечеству.

Себастьян медленно поставил на пол саквояж. Не спрашивая разрешения, медленно опустился в кресло напротив.

— Этот человек одержим своей верой, — сказал он, тщательно подбирая слова.

— Сумасшедший фанатик, — рубанула я.

— Не стоит его недооценивать, миледи. Орден Света — одна из старейших магических организаций в стране. Но у них... своя правда. И свои, особые, методы. Если Тэйн видит в вас угрозу, то так просто не отступит.

Я закусила губу. Именно этого я и боялась.

— Прекрасно. А мне даже нечего ему противопоставить! Нечем себя защитить...

Себастьян пристально смотрел на меня. В глубине души я надеялась, что он скажет нечто, противоречащее словам Милли. Что во мне и впрямь окажутся некие способности... Не темные, разумеется, чем попрекал меня лорд Блэйк, но достаточно сильные, чтобы постоять за себя.

Увы.

— Хотел бы я помочь вам, миледи, но я не боевой маг. Я лечу, а не сражаюсь. Однако в городе есть те, кому можно поручить охранять и вас, и само поместье. Наемники, боевые маги или маги, специализирующиеся на защите...

По правде говоря, я не очень хотела иметь дело с наемниками.

— Расскажите мне о магах. Где я могу их найти?

— В Гильдии, разумеется. — Себастьян тут же стушевался. — Ох, простите...

— Ничего, — машинально отозвалась я.

— Хотите, чтобы я сопровождал вас?

Я улыбнулась ему.

— Спасибо за предложение, но нет. Не хочу отвлекать вас от вашей работы. Милли ведь местная, верно? Она покажет мне дорогу.

Себастьян как-то странно смотрел на меня.

— Что такое?

— Простите, миледи. Но вы... изменились.

Еще бы. В оболочке прекрасного молодого тела теперь находился совсем другой человек.

Я не стала расспрашивать, в чем именно заключались эти перемены. Ограничилась шутливыми словами:

— Надеюсь, в лучшую сторону.

Себастьян дернул уголком губ — лишь намек на улыбку, но не она сама.

— А теперь вы, кажется, чем-то встревожены, — заметила

я. — Дело в лорде Блэйке?

— В нем. Просто еще не так давно вы уверяли меня, что никто посторонний никогда не проникнет в это поместье. Как же ему это удалось?

— Не проникнет? Почему?

В моей реальности люди умудрялись вламываться даже в сверхзащищенные дома селебрити и сильных мира сего. А здесь даже сигнализации не было!

Я снова вспомнила, как проснулась от едва слышного звука — вероятно, лорд Блэйк тогда наступил на какую-то ветку. Которая, к слову, находилась в саду в нескольких десятках метров от окна моей спальни. А это как объяснить?

Но моя бедная голова и без того пухла от десятков вопросов. Этот я решила отложить на потом. Сейчас важнее всего обеспечить мне и моему поместью защиту от тех, кто так рьяно ненавидел меня.

— На поместье был наложен барьер. Непроницаемый, как вы убеждали, — объяснил Себастьян.

В его словах не было укора — лишь задумчивость и тревога, которая невольно передалась и мне.

— Магический барьер, — уточнила я.

Уголки губ Себастьяна снова на миг дрогнули.

— Какой же еще?

Значит, Аделин окружила поместье своеобразным магическим щитом... Но как тогда лорду Блэйку удалось проникнуть сюда?

За всю свою жизнь я прочитала не так много фэнтези, но этого было достаточно, чтобы прийти ко вполне логичному выводу: светлую магию можно уничтожить лишь темной.

И если принять во внимание слова Себастьяна... Тэйн Элджернон Блэйк был совсем не так прост.

И по-настоящему опасен.

8. Поросшие терном

Несмотря на тревожные мысли, этой ночью я проспала крепко, без сновидений. Вероятно, сказалась усталость и недостаток сна. К счастью, меня не разбудили посторонние звуки... или просто посторонние.

Когда я проснулась, комнату всю заливали солнечные лучи. За завтраком я попросила Милли провести меня к Гильдии, и она охотно согласилась. Я оделась попроще, чтобы не привлекать лишнего внимания: длинное темно-синее платье и теплый серый плащ. Милли сняла передник и набросила на плечи издававшее виды скромное пальто, и мы отправились в город.

Элдервуд возвышался на холмах у широкой, лениво несущей прочь свои воды Канморы. Вскоре передо мной раскинулись его старинные улицы: покатые крыши с черепицей, острые шпили башен, за которыми скрывались дома в стиле конца девятнадцатого века — массивные, с колоннами и обилием каменной резьбы.

Кучера и лошади, тянущие повозки, прогуливающиеся дамы в сложных платьях с высокими воротниками, мужчины в сюртуках и цилиндрах... А еще — иллюзионисты, продавцы амулетов и разного рода магических вещей.

— Гильдия магов находится в Старом квартале, миледи, — тихо сказала Милли. — Полагаю, там нечасто бывали те,

кто связан с домом Линнери.

Когда мы дошли до Гильдии, я на миг замерла. Перед нами выросло огромное здание из серого камня с узкими окнами, крутыми лестницами и барельефами, изображающими неизвестных мне созданий. Высокие дубовые двери были приоткрыты. В Гильдию стекались фигуры в мантиях самых разных цветов.

Войдя туда следом, я словно шагнула в другой мир.

Воздух внутри дрожал от переполняющей это место энергии. Высокие арочные потолки, украшенные фресками с изображением стихийных духов, казались бесконечными. Из-под купола лились лучи света. На стенах висели портреты выдающихся магов прошлого, чьи глаза, казалось, следили за каждым моим движением.

Длинные ряды столов, заваленных свитками, артефактами и магическими инструментами, навевали мысли об алхимической лаборатории. Здесь и там вспыхивали крошечные молнии, клубился дым и раздавались невнятные шепотки. Вдоль стен тянулись книжные полки, доверху набитые фолиантами в кожаных переплетах. Сколько же тайн было сокрыто на этих страницах...

Маги передвигались почти бесшумно, скользя подолами мантии по каменному полу. Их одежды были строги — глубокие бордовые, синие, зеленые ткани, украшенные, вероятно, символами магических школ. Я чувствовала на себе чужие взгляды — настороженные, удивленные или откровенно

недружелюбные.

Ощущая себя так, будто на моей спине нарисована мишень, я подошла к одному из столов, за которым сидел молодой маг с льняными волосами.

— Простите, мне нужно узнать о найме боевых или охран-ных магов.

Он смерил меня холодным взглядом, в котором отчетливо сквозила неприязнь. Неужели он знал меня... точнее, Ада-лин? Какая кошка между ними пробежала?

— Вам на четвертый этаж. Вопросами распределения вер-ховная магесса занимается лично.

Милли осталась внизу. По мере того, как я поднималась по витой лестнице, взгляды, которые бросали мне вслед, становились все тяжелее. Кажется, меня совершенно не хотели здесь видеть.

Мой путь закончился у массивной двери из черного дуба. Я толкнула ее и вошла в просторный кабинет, где резные стеллажи соседствовали с полированными шарами и старыми свитками. За столом сидела женщина с прямой спиной и лицом, которое очень трудно было представить смеющимся: бледное, строгое, с тонкими губами и глазами цвета стального клинка.

— Здравствуйте, я...

— Я прекрасно знаю, кто вы такая, — ледяным тоном об-ронила верховная магесса. — И вам здесь не место.

Я сощурилась. Не люблю, когда мне откровенно хамят.

— Что-то я не видела на двери огромного замка или призыва держаться от Гильдии подальше.

— А я имею в виду не Гильдию. А Элдервуд.

Я поморгала. Мне не просто указывали на выход, а намекали (хотя нет, говорили вполне прямо), что в этом городе мне не рады. Да что же эта Адалин успела такого натворить?!

Однако я — не она. И я не привыкла так легко сдаваться.

— Я здесь по делу. Мне нужна помощь. Меня преследует дозорный Ордена Света. Я впала в его немилость и, по правде говоря...

— Вы в своем уме? — внезапно вспыхнула магесса. — Вы просите защиты от поборника света?!

— На самом деле, он не такой уж и святой, — вырвалось у меня.

Разумеется, я хотела рассказать о проникновении в мое поместье. Но не успела.

— Довольно. — Она резко поднялась. Положив ладони на стол, подалась вперед. — Убирайтесь отсюда.

Признаться, столь бурная реакция сбила меня с толку.

— Послушайте... Я не та, за кого вы меня принимаете...

Верховная магесса усмехнулась.

— О да, конечно. Вы — невинная овечка, которой нужна защита от злобного, страшного светлого мага. Знаете, что? Не знаю, в какие игры вы играете, но у меня нет на это времени. Уходите, пока я не позвала стражу.

Несколько мгновений я смотрела в суровое, пышущее

злобой лицо. Не найдясь с ответом, покачала головой и покинула кабинет.

Спустившись по лестнице, я встретила взглядом с Милли. Улыбка на ее лице при виде моего начала резко угасать.

— Идем, Милли. Здесь нам и впрямь делать нечего.

— Да, госпожа, — тихо отозвалась она.

Дорога обратно была тягостной. Мы с Милли не разговаривали, хотя прежде мне хотелось разузнать как можно больше об Элдервуде и царящих в нем порядках. Но теперь все, о чем я могла думать — это о холодных взглядах магов и словах верховной магессы. О том, что уже несколько человек считают меня врагом... вот только я не знаю, почему.

— Милли, я что, была настолько плохим человеком?

Она вздрогнула, не глядя на меня.

— Не всем вы нравились, миледи, — осторожно сказала она. — Были те, кто боялись вас. И язык у вас порой... остер.

Мне не оставалось ничего, кроме как кивнуть.

— А ты почему осталась со мной?

На губах Милли появилась привычная улыбка. Вот только ее слова не были такими уж радужными.

— Мне некуда идти, честно говоря. Кроме того... По сравнению с моим отцом вы — просто ангел.

Уже который раз за день я не нашла, что сказать.

Вернувшись в поместье, я сбросила плащ и, не переодеваясь, направилась в сад. Хотела посвятить ему остаток этого дурацкого дня, оставившего на сердце тяжелый осадок.

Хотела привести в порядок хоть какую-то часть своей новой жизни. Изменить то, на что я действительно могу повлиять.

Но когда я подошла к цветнику, застыла, будто натолкнувшись на невидимую стену.

Вчера вечером он был чист — рыхлая земля, выкорчеванные сорняки, срезанные сухие и мертвые стебли. А теперь... Черные колючие лозы снова стелились по земле, извиваясь, как змеи. Сорняки покрывали клумбы, а посреди них раскинулся настоящий терновый куст.

Я судорожно вдохнула. Это же... ненормально. Я работала в саду почти всю свою жизнь и хорошо знала, что такие вещи не происходят за ночь.

— Как это возможно...

В ответ — лишь мрачная тишина запустелого сада, в которой я вдруг различила нечто похожее на издевательский смех.

9. Новые знакомства

Я бродила по саду, терзаемая тревожным предчувствием. Нет, даже не предчувствием — отчетливым осознанием, что с садами поместья Линнери что-то определенно не так.

Всюду здесь меня преследовали тихие, будто плачущие, голоса, шепотки и даже приглушенные стоны. А тени от кустов и деревьев, если приглядеться, двигались, не подчиняясь ветру и законам логики.

Находясь я в родном мире, решила бы, что все эти шорохи и тени мне просто чудятся и вообще я накручиваю сама себя. Однако я понимала, что они были частью этого странного места, пропитанного темными, неизвестными мне силами.

Здесь царила особая магия, отличная от той, что привела меня в этот мир.

Однако сдаваться так легко я не привыкла. Засучив рукава, взялась за очистку другого цветника от сорняков. Желая дать хоть немного отдыха спине, натруженной с непривычки, оперлась о дерево с искривленными ветвями.

И именно оттуда, сверху, до меня и донесся одобрительный тоненький голосок:

— А ты упрямая.

Я резко отшатнулась и задернула голову вверх. Моим глазам предстало удивительное создание с пушистым рыжим тельцем и хвостом белки, но с кошачьей мордочкой, длин-

ными усами и венцом из сухих листьев на голове. Милое и... говорящее.

— С-спасибо, — выдавила я.

Магия магией, но некоторые вещи трудно воспринять вот так легко, без подготовки. А тут мало того что передо мной белкокошка, так она еще и говорит!

— Я вот только одного понять не могу, — протараторило создание. — Ты травишь, а потом лечишь. Сначала жжешь, потом лелеешь.

— О чем ты? — нахмурилась я.

Все же неприятно слышать в свой адрес обвинения... даже от забавного существа с беличьим хвостом.

— С чего тебе возрождать сады, которые ты сама же и погубила?

Я помрачнела. Неужели Адалин не просто забросила сад, а привела его к гибели куда более изощренным способом? Но... почему? Зачем? Можно ли совершить подобное непреднамеренно?

— Я не та Адалин, которую ты знаешь.

Белкокошка прищурилась и повела носом, словно принюхиваясь к моей сути.

— И правда. Что-то в тебе сильно изменилось. Не могу понять, что, но... Ты определенно какая-то странная.

Я не удержалась от смешка. Кто бы говорил!

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я.

Не называть же белкокошку белкокошкой в лицо! То есть

в морду.

В ответ на обиженный взгляд поспешно объяснила:

— Я не помню ничего и никого из... своей прошлой жизни.

Назовем это так.

Белкокошка выпятила грудку и важно потрянула венцом, отчего оттуда выпала пара листочков.

— Шушунья.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась я. — Скажи мне, что случилось с садом?

Шерсть на загривке Шушуньи встопорщилась, встала дыбом, словно у испуганной кошки.

— Не могу говорить об этом ужасе! Не могу даже думать!

Паника в черных беличьих глазах была совсем не наигранной. Она втянула голову в плечи, дрожа. Я успокаивающе выставила ладони.

— Ладно-ладно, мы не будем об этом говорить. Не сейчас.

Шушунья зашипела, вцепившись в ветку острыми коготками.

— Хорошо, никогда, — сдалась я. — Но я должна знать... Как мне это исправить?

Белкокошка смотрела на меня, не мигая.

— В тебе есть росток. Надежда, — быстро произнесла она.

— Может, еще не все потеряно. Если хочешь, ты можешь попробовать возродить сад. Вернуть их. И тогда сад вернет себя сам.

— Кого?

— Его хранительниц, дриад.

Так, выходит, в этом мире существуют и дриады... В дополнение к говорящим зверькам, магам и бог знает кому еще.

— Но это будет не просто. Во всех садах осталась лишь одна. Я проведу тебя к ней.

Не дожидаясь моего ответа, Шушунья спрыгнула с ветвей на дорожку. Помчалась вперед, юрко петляя меж кустов и изгородей, пока мы не подошли к густой, непроходимой стене из плюща и жимолости.

— Это иллюзия. Иди вперед с закрытыми глазами и не открывай, пока не скажу. Иначе застрянешь здесь навеки.

Ох. Очаровательная перспектива, ничего не скажешь. Однако я подчинилась. Закрыла глаза и сделала шаг, а затем еще один. Сердце стучало так, будто собиралось выломать ребра. Лозы касались моего лица. Но это не было нежным касанием любящих пальцев. Скорее, ледяным прикосновением мертвеца.

Я поежилась, но продолжила путь с плотно сомкнутыми веками. До ноздрей дотянулся прелый запах грибов, увядшей земли и чего-то затхлого, возможно, даже гниющего. Влажный воздух коснулся кожи, как дыхание старого склепа.

— Открывай, — милостиво разрешила Шушунья.

Сад исчез. Мы были в пещере — продолговатой, с низким потолком и неровными стенами, из которых сочилась вода.

Пол усеивали серые и поросшие слизью грибы. Откуда-то из глубины пещеры исходило слабое призрачно-зеленое мерцание, показавшееся мне зловещим.

— Раньше тут было куда красивее, — вздохнула Шушунья. — Волшебнее...

Я не успела ответить, потому что разглядела сидящую у каменной стены дриаду. Или то, что от нее осталось.

Она выглядела словно воплощенная скорбь погибшего леса: вытянутая, гибкая фигура, будто выточенная из растрескавшейся древесной коры, с узорами жилок и мха, вросшими прямо в кожу. Тускло-зеленые волосы свисали длинными прядями, похожими на свитые лозы и увядшие листья. Глаза были большими, влажными и чернильно-черными, пальцы — тонкими и гибкими, будто молодые корни.

Она отличалась от человека не только телом — в ней не было обычного тепла, ни человеческого дыхания, ни зримого возраста, только затаенная боль земли и магии, которую отняли.

Когда я подошла ближе, дриада вскрикнула и тяжело поднялась. Ее движения казались неестественно медленными, словно каждый жест давался ей с трудом.

— Не подходи! — Голос дриады рассек воздух, как удар хлыста. — Вернулась, чтобы меня добить?!

— Нет! — Я вскинула руки. — Я хочу понять... и все исправить!

— Исправить? И ты хочешь, чтобы я в это поверила?

Ты уничтожила моих сестер! Заманила в ловушку... Я была единственной, кто смог выбраться! Все, что мне оставалось, — это в бессилии наблюдать, как что-то вытягивает из моих сестер жизненную силу!

Слова дриады приводили в ужас. Не знаю, что это была за ловушка, но, вероятно, именно после этого сады, лишённые своих хранительниц, начали чахнуть. Хорошо хоть, силу из дриад выпила не Адалин... Но кто? Или что?

Однако для подобных вопросов сейчас совсем не подходящее время. К тому же... От дриады волнами исходили недоверие и ненависть ко всему живому. Или только ко мне — искажённому воплощению человека, который уничтожил весь ее род.

— Послушай! Я не она, не Адалин. Я хочу помочь...

— Ложь! — прорычала дриада. По пещере прошла волна энергии. Шушунья пискнула и нырнула за камень. — Ты носишь ее облик, ее голос! Думаешь, я не чувствую? Все в тебе кричит ее магией!

Я надеялась, что дриада разглядит во мне перемены, как Шушунья. Увы, нет.

— Клянусь, я даже не знаю, что сделала Адалин! Я просто проснулась в ее теле. Я... не из этого мира.

Дриада замерла. Мускул на ее лице дернулся, в глазах на миг мелькнуло нечто похожее на... сомнение? Но потом она снова ошетибилась.

— Уходи. Пока я не впустила в тебя то, что впитала сама.

Я не двинулась с места. Хотелось сказать еще хоть слово, доказать, вымолить, объяснить. Но дриада отступила в тень, и воздух налился магией, а пространство вокруг потемнело. Что это, если не предупреждение?

Мне пришлось уйти.

По дороге обратно Шушунья не сказала ни слова. Когда я вышла из-за плюща, мои руки дрожали.

Вот тебе, Анна Николаевна, еще один жестокий урок. Неважно, что ты невиновен. Если носишь лицо того, кто разрушил чей-то мир, то и расплачиваться придется тебе.

10. Дневник Адалин

Когда я вышла из садовой арки, Шушунья не последовала за мной. То ли привыкла находиться в своем царстве, каким бы он ни был, то ли все еще не решила, стоит ли мне доверять.

Глядя на зверька, я с нажимом повторила:

— Я — не Адалин.

И я это докажу. Но прежде, чем определиться, что мне делать, нужно было понять, что вообще здесь произошло. Ни Шушунья, ни дриада, ни Милли мне не помощники. Но может, ответы спрятаны где-то в самом поместье? Если не в саду, то в особняке?

Я шла по длинным коридорам, обитым темным бархатом, под мерцание канделябров. Картины на стенах — женщины в тугих корсетах, мужчины с ледяными глазами — наблюдали за мной с немым упреком. Я невольно приглушила шаги. Никак не могла привыкнуть к скрипучим половицам, зеркалам в резных рамах и затхлому запаху старинной мебели.

Но это теперь — мой дом.

Я методично исследовала его — в минувшие сумасшедшие дни до этого так и не дошло. Добралась до третьего этажа. В южном крыле наткнулась на комнату с массивной дверью. Стоило открыть ее, и в нос ударил запах воска, чернил и чего-то древесного.

За ней оказался кабинет — просторный, с высоким потолком и огромным окном. Книжные шкафы тянулись до самого потолка, у стены стоял письменный стол — тяжелый, дубовый, с потертой поверхностью и латунными ручками. Выдвигая ящики один за другим, я изучала их содержимое.

На дне последнего под стопкой счетов и полупустых чернильниц я нащупала тонкую кожаную тетрадь. Обложка была украшена резьбой, напоминающей извивающиеся корни. На первой странице — четкий, уверенный почерк: “Личный журнал Адалин Линнери”.

Я невольно усмехнулась. Как же она, должно быть, любила собственное имя, чтобы подписывать журнал в доме, где не было никого, кроме нее.

Однако первая же запись прогнала усмешку с моего лица и заставила напрячься.

“Да, магия сада определенно связана с первородной силой. Я ощущаю, как она пульсирует в почве, как дышит сквозь кору деревьев. Сегодня я попробовала слить жизненную силу цветущего куста с собственной, и почувствовала бодрость, которую не давали ни зелья, ни отдых. Жаль, куст завял. Придется посадить новый”.

Я неодобрительно нахмурилась. Как же легко для Адалин отнять жизнь у чего-то живого ради собственного комфорта. Пусть даже этим живым было растение, а не существо или

человек.

Вторая запись была сделана всего через пару недель.

“Цветы дают слишком мало. Но корни... Корни содержат древнюю силу, неистраченную. Сегодня я приняла ванну из настоя корней шиповника, впитала магию через кожу. Силы во мне возросли, кожа очистилась. Мое тело — мой храм, и оно требует подношений”.

Мне стало тошно. Я невольно взглянула на свои руки — тонкие, молодые, с гладкой и чистой кожей. Неужели они были усовершенствованы той самой силой, украденной у природы?

Я перелистнула страницу. Взгляд впился в аккуратные, ровные строки, написанные твердой рукой.

“Живительная сила света рассыпается, как золото в воде, стоит лишь найти верный сосуд. Вчера я начертила глифы на поверхности небольшого пруда в розарии. В их узоре — ключ к перенаправлению магического потока. Стоило пролить несколько капель крови в воду, и она начала менять цвет — от лазури к янтарю. Это знак: магия подчиняется. После ритуала я чувствовала нечто... невыразимо сладкое. Словно все в мире стало податливым и послушным. Пальцы двигались легче, мысли — быстрее. Это стоит риска. Это стоит уплаченной цены”.

“Он нашел меня. Сказал, что даст мне столько силы, сколько я смогу вдохнуть. Нужно только ему помочь, стать его проводником...”

“Дриады... Они слишком доверчивы. Они по-прежнему поют в саду и, кажется, не чувствуют расставленной для них ловушки. Я использовала ее, чтобы заточить в магическом кругу одну из дриад. Ее песнь стихла, но магия осталась. Такая свежая, густая. Я черпала ее, как черпают родниковую воду. Это был мой триумф. За одну ночь я проделала месяцы работы”.

“Сегодня, в день затмения, я использовала “Плетение Поглощения” — древний ритуал, которому научил меня Он. Требовалось живое существо, связанное с природной магией. Одна из молодых дриад, Лирет, подошла сама — она умоляла меня освободить ее сестру. Я надела Лирет венок из рунических лоз и активировала круг. Свет вокруг нее угас, глаза потемнели. Из груди вырвался серебристый туман, который втек в меня, как вдох. Он помог этому случиться. Это было как волна, как прилив. Я увидела цвета, которые даже не могла назвать. Увидела то, что никому не доступно”.

“Теперь моя память яснее, чем когда-либо. Магия сада течет во мне, как ручей. Я приказываю магии, и она слуша-

ется. Это безусловный контроль. Это власть над садом. И все это стало явью лишь благодаря ему”.

“Свет — не более чем слабость. Я поняла это, когда темнота впервые ответила на мой зов. С ней можно говорить. Ее можно просить, и она дарует нечто ценное. Дриады были только началом. Сад — безупречная жертва. Его боль вскормит мою силу. Я буду первой, кто узнает, что такое вечность и безграничная мощь”.

“Эти проклятые дриады все еще живы. Даже сквозь кору слышны их стоны. Они все еще связаны с садом. Цепляются за него, как утопающие. Но это их слабость. Я усиливаю ловушку, собираю их жизненную энергию в сосуды, чтобы использовать на следующем этапе. Это будет преобразование — чистое, совершенное. Магия тьмы должна быть чистой. И если свету для силы нужны любовь и забота, то мне нужна жертва. Я — единственная, кто это понял. Он мне подсказал”.

На этом записи обрывались.

Я отпрянула от дневника, задыхаясь. Отбросила его в сторону, чувствуя солоноватый привкус на губах. Меня знобило — эти записи оставляли после себя холод. Пока я читала, из меня будто по капле вытягивали тепло.

Пусть дриады были все еще живы, но то, что с ними сде-

лала Адалин, было высшим проявлением жестокости. И она наслаждалась этим. Поглощала сущность чувствующего, разумного существа, считая это благословением. Что должно произойти с человеком, чтобы он стал таким чудовищем?

Адалин была не просто жестокой темной волшебницей. Она стала жрицей собственной философии, в которой свет — слабость, а чужая жизненная энергия — валюта силы.

Хоть все это совершила не я, оставить все это так я не могу. После всего, что я узнала, мне предстояло не только восстановить сад, но и исправить ужасы, созданные руками той, чей облик я теперь носила.

11. Тень прошлого

К тому времени, как пришел Себастьян, я уже успела немного отойти от открывшейся мне правды об Адалин.

Я услышала его шаги в коридоре, а затем характерный стук в дверь. Он никогда не входил без приглашения, но всегда ждал не дольше пары секунд, как будто знал — я все равно скажу “входите”.

Он принес с собой корзину, от которой пахло чабрецом, сушеной мятой и чем-то горьким, напоминающим дым от костра. Часть запахов я уже узнавала — так пахли зелья для памяти, которые я выливали в раковину под видом выпитых.

Я не знала, как начать, потому просто смотрела на Себастьяна.

— Вы плохо спали, — заметил он, занятый тем, чтобы аккуратно расставить зелья на подоконнике. — Тело тревожит или разум?

— Разум, — ответила я. Голос дрогнул, но я заставила себя продолжить: — Я нашла свой дневник. Теперь я знаю, что здесь происходило и что случилось с садами. Знаю, что я использовала его силу, но не для роста, не для жизни. Наоборот.

Я запнулась. Вынужденная необходимость приписывать действия Адалин себе вызывало глухую боль.

Себастьян поднял глаза. Не задавал ни одного вопроса,

только слушал. Это, наверное, и было самым страшным. Его молчание обнажало мое признание больше, чем любой допрос.

— Я не знаю всех деталей и не понимаю точную механику... Но это явно темная магия. Ада... Я вытягивала силу из сада. Из деревьев, земли... Из его хранителей.

— Мне такие чары незнакомы, — сказал Себастьян наконец. Голос мягкий, как шерстяной плед. — Но я вижу, что это осознание причиняет вам боль.

— Да, потому что это не я!

Слова вырвались из меня сами собой. Я не собиралась рассказывать Себастьяну о том, что прибыла из другого мира. Одно дело — магические создания, но люди... Они решили бы, что я сошла с ума.

Представляю, как вам неприятно мое общество, — сдавленно сказала я. — Целитель, светлый маг, вынужденный помогать чудовищу...

Я попыталась усмехнуться, но улыбка вышла кривой.

Себастьян покачал головой.

— Если вы — чудовище, то мне бы хотелось видеть побольше подобных вам. Миледи... Та женщина, о которой вы мне рассказываете, та, что использовала силу сада в своих целях, — это и впрямь не вы.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась я.

— Вы уже не та, кем были раньше, до болезни. Не знаю, как это объяснить, но... Возможно, близкая поступь смер-

ти так на вас повлияла. Вы ведь и впрямь едва не погибли. Возможно, после потери воспоминаний изменилась, обнулилась ваша... душа. Вы больше не скованы путами прошлого и смотрите на этот мир иначе. — Себастьян улыбнулся, словно извиняясь за свою велеречивость. — Как бы то ни было, эту страницу вашей жизни можно закрыть. И воспринимать прежнюю Адалин Линнери как чужого человека.

Я с трудом кивнула. В горле стоял ком. Себастьян прав: я не Адалин. И, пусть другие считают иначе, я не должна считать себя ею.

Послав целителю благодарный взгляд, я поспешила перевести тему.

— Вы ведь наверняка бывали в садах или неподалеку от них... И, как светлый маг, наверняка что-то чувствовали.

— Да, — спокойно ответил Себастьян. — Я чувствовал тьму в земле, под корнями, пусть и не знал ее источник. Сад... словно гниет изнутри.

Его слова пронзили меня ледяной иглой. Я закусила губу. Себастьян наклонил голову, глядя на меня.

— Я вижу, как вас это мучает, миледи. Что, если попытаться изгнать темную силу из садов, раз для вас это так важно?

— Я готова на это, — с пылом ответила я.

Себастьян посмотрел на меня с легкой, почти незаметной улыбкой. В серых глазах искрилось одобрение.

— Но ни вы, ни я не обладаем подобными чарам, — вздох-

нула я. Резко вскинула голову. — Может, обратиться в Гильдию магов?

— Я не спрашивал вас о том, что произошло в ваш прошлый визит, миледи. Однако я не вижу, чтобы маги охраняли поместье, а значит...

— Да, особенно плодотворной встречу с верховной магессой не назовешь, — пробормотала я. — И виной всему, вероятно, моя репутация. И что тогда делать?

— Мы обязательно что-нибудь придумаем, — заверил Себастьян.

Мне понравилось это “мы”. Не в романтическом смысле, а в том, что он был готов помочь мне, несмотря на мое признание. Несмотря на то, что мы принадлежали к разным сторонам.

Во всяком случае, в прошлом.

— Я оставлю вас, миледи. — Чуть склонив голову, сказал Себастьян.

Подался ко мне, но на полпути остановился. Мне почему-то казалось, что он хотел подойти ко мне еще ближе. Сердце пропустило удар. Глаза Себастьяна сейчас казались такими теплыми... Нет, дело не в них самих, а в его взгляде, обращенном на меня. Он согревал меня, наполнял странными, позабытыми уже чувствами.

— Миледи, если вам понадобится моя помощь... — Себастьян замолчал, будто пытаясь подобрать нужные слова. Или изо всех сил сдерживая то, что хотелось высказать. —

Вы же знаете, что всегда можете рассчитывать на меня?

Я улыбнулась ему. Не знаю, что на его счет думала Адалин. Но знаю, что думала я.

— Конечно, Себастьян.

Отчего-то называть его так, по имени, мне было неприятно. Неужели во мне отзывались отголоски памяти Адалин?

Вот и целитель застыл, будто не ожидая от меня подобного обращения. В глазах мелькнуло удивление. Губы дрогнули, складываясь в теплую улыбку.

— Хорошо.

После его ухода я не пошла в сад — избавляться от последствий магии Адалин сейчас совершенно бессмысленно. Вместо этого поднялась в библиотеку.

Она встретила меня сумрачной тишиной и запахом пыли, старого дерева и еле уловимым оттенком горького миндаля. Высокие стеллажи, уходящие под самый потолок, ломились от книг в кожаных переплетах, украшенных потускневшим золотым тиснением. Несмотря на солнечный свет, щедро льющийся через окна, здесь чувствовалось нечто злое, давящее.

Казалось, вековая тьма пропитала каждую полку, каждый лист, каждый переплет.

Я начала с дальнего стеллажа, надеясь найти что-то о магии земли, света или очищения. Но чем больше книг я открывала, тем сильнее во мне крепло подозрение, что я попа-

ла в хранилище запретных знаний.

Первой мне в руки попала книга в переплете из черной кожи без единой надписи. Открыв ее, я увидела аккуратный шрифт, описывающий “Ритуал увядания”:

...Возьми цветок, самый яркий и живой, и прошепчи над ним слова ночи. Представь, как его цвет тускнеет, лепестки опадают, а жизнь уходит в тень. Направь эту энергию в сосуд, и ты получишь эссенцию тьмы, способную иссушить любое начинание...

Я сглотнула. Буквально следующая книга, перевязанная серебряной цепью, предупреждала об опасности:

...Энергия тьмы ненасытна. Не играй с ней, если не готов отдать все. Она вытянет из тебя жизнь, любовь, самую душу, оставив лишь пустую оболочку, жаждущую большего...

Последним в мои руки угодил фолиант с изображением змеи, обвивающей череп. Под заголовком “Теневые чары” я прочитала:

...Используй шепот тени, чтобы украсть жизненную силу у своих врагов. Направь ее на себя, и ты обрешь силу, превосходящую смертных. Но помни, цена — вечное одиночество и презрение духов...

Холодный пот выступил на лбу. В садах поместья Линне-ри определенно творились ужасные вещи, связанные с наследием тьмы.

Я не Адалин. Но ее тень еще долго будет преследовать меня на моем пути.

12. Белое пламя

И снова мне было трудно уснуть. В голове крутились обрывки разговоров — с верховной магессой, с Себастьяном и Милли, с лордом Блэйком, обвиняющим меня. Как мне тогда казалось, огульно.

Однако я все больше понимала, почему Адалин недолюбливает столько людей. Что же она натворила... К какой жуткой силе она воззвала? И что мне теперь делать?

Исправлять все и восстанавливать сады, что же еще.

Себастьян готов мне помочь, но одной его помощью мне, увы, не обойтись. В Гильдии Магов репутация у меня хуже некуда, дриада меня прогнала и едва ли не прокляла...

Помимо всего прочего, я не знала почти ничего об окружающем меня мире. Да, что-то может рассказать мне Милли или Себастьян. Но далеко не все.

В общем, засыпала я с тяжелой головой и тревожными мыслями о собственном будущем и о будущем поместья Линнери.

А разбудил меня возбужденный писк. Кто-то прыгал по моей груди и громко причитал.

— Госпожа, он вернулся! Он хочет уничтожить сады!

“Блэйк”, — мелькнуло в моей голове стремительное.

Я резко открыла глаза и встретила взглядом с Шушуньей. В черных пуговках плескался ужас.

— Он здесь и он проводит какой-то ритуал... — тараторила белкокошка. — Он собирается призвать пламя!

Я похолодела. Откинув простыню, почти слетела с кровати. Времени наряжаться не было, а потому я лишь накинула поверх длинной ночной рубашки шелковый халат цвета полуночного неба — темно-темно синего.

Снова не найдя туфель, бросилась вниз по лестнице, а затем — прочь из дома. Земля холодила босые ноги, ветер раздувал и путал распущенные волосы, но мне сейчас было не до того. Успеть бы.

Я не могла позволить садам погибнуть. Да, я жила в этом мире и в этом поместье всего несколько дней, но это теперь — моя реальность, моя новая жизнь. Я никому не дам ступить сад. Особенно если он и в самом деле волшебный.

Под ступню угодил камушек, который я не заметила даже в ярком лунном свете. Я чертыхнулась, подавив желание, как ребенок, запрыгать на одной ноге, ойкая от боли. Переживу.

Стиснув зубы, я мчалась вперед. Только бы успеть...

Шушунья летела рядом, приговаривая:

— Говорила мне мама — не доверяй красивым мужчинам!

Я на бегу покосилась на нее. Очень сомневаюсь, что мама-белкокошка говорила нечто такое своей дочери. Скорее всего, Шушунья “позаимствовала” эту фразу у кого-то из двуногих. Возможно, у бывших посетительниц садов поместья Линнери.

— Ты считаешь лорда Блэйка красивым? — чуть задыхаясь от бега, спросила я.

Впрочем... Да, наверное, он и впрямь красив. Просто поначалу я воспринимала его, в первую очередь, как врага, а потом — как сумасшедшего фанатика. И только сейчас, после изучения дневника Адалин, я понимала: у лорда Блэйка, дозорного Ордена Света, были причины ненавидеть леди Линнери. И у того, что я считала одержимостью, тоже были причины.

Что же до его красоты...

Именно в этот момент я увидела лорда Блэйка, застывшего у арки, ведущей в сад. Он обернулся на звук моих топотливых шагов. Его фигура была залита лунным светом, что позволяло мне хорошо его разглядеть. Словно вылепленные искусным мастером острые скулы, резкие линии твердой, решительно сжатой челюсти, идеально прямой нос, темные провалы глаз...

Да, Тэйн Элджернон Блэйк был определенно хорош собой. Если не совершенен. Как будто его и впрямь создал умелый и любящий свое дело творец.

Но это неважно. Он сейчас был угрозой и для меня, и для волшебного сада.

Потому что его правая рука была объята огнем.

Это был странный огонь. Даже для ночи и голубоватого лунного света. Не желтовато-оранжевый, не красный, как на картинке.

Серебристо-белый.

Странный цвет огня заставил меня нервно сглотнуть и замереть на месте, в паре шагов от лорда Блэйка. Тот, сузив глаза, смотрел прямо на меня. У него был нечеловечески цепкий, пронзительный взгляд. Казалось, он способен уловить даже мое дыхание, не говоря уже о жестах.

И только сейчас я поняла, что ничем не могу противостоять лорду Блэйку. Огонь в его руках определенно был колдовским. Я же не умела владеть магией. Адалин — да, но не я. И обратиться к ее памяти у меня не получалось.

Кроме того... Эта магия была темной и противоестественной. Даже учитывая нависшую над моей головой опасность, я не хотела призывать разрушительные силы. Особенно когда не знала, к чему это приведет.

Но вот в чем дело... Он-то этого не знал. Все-таки в репутации злодейки и темной волшебницы есть свои преимущества.

— Что вы задумали? — глухо, угрожающе спросила я.

Опустила подбородок вниз, словно дикий зверь, готовящийся к атаке.

— Я дал вам время, как и обещал, — отрывисто сказал лорд Блэйк. — Но скверна из садов не ушла — стала только сильнее.

Сильнее? Почему? Как?

Я чуть было не задала вопросы вслух, но вовремя удержалась. Что бы это ни было, разбираться с происходящим мне

самой. Это мой сад. Моя земля. Да и лорд Блэйк ничем мне не поможет — он явно считает виновницей всех бед именно меня.

— А значит, остался лишь один способ — уничтожить скверну вместо со всей этой землей, — закончил он.

— Вы не посмеете, — сверкнув глазами, выдавила я.

Лорд Блэйк покачал головой.

— Вы плохо знаете меня, Адалин. Какой же из меня незорный, если я позволю тьме жить и плодиться?

— Меня вы тоже собираетесь уничтожить? — вырвалось у меня.

Он нахмурился. В какой-то момент лорд Блэйк даже показался мне уязвленным. Как будто предположение, что он способен причинить вред человеку, оскорбило его. Однако он быстро оправился и придал лицу невозмутимое выражение.

— Я — не вы. Я — светлый маг, — с достоинством сказал он.

— Фанатик, — процедила я.

Знала, что это не совсем правда, но... Меня злило, что Блэйк вот так просто вторгается в мое поместье, да еще и с намерением уничтожить важную его часть.

— Называйте меня как хотите, — бесстрастно отозвался он. — Это ничего не изменит. Вы должны быть преданы суду, а скверна должна быть искоренена.

— Но не так!

Блэйк моргнул. Отчаяние в моем голосе обескуражило его. Даже огонь, пылающий в его руке, как будто побледнел, утратил часть своей силы.

— Вы беспокоитесь за сады? — Он тут же прервал сам себя: — Нет, глупость. Это очередная ваша игра. Но я не куплюсь на нее, Адалин. Не позволю вам обмануть себя.

— Какой же вы упрямый...

— Осел, — подсказала Шушунья, о которой я уже успела забыть.

Напряжение, охватившее все мое тело с самого момента пробуждения, вылилось в резкий, отрывистый смех. Хорошо хоть, он звучал не так демонически, как классический смех какой-нибудь злодейки из мультфильмов!

И все равно Блэйка это изумило. Что ж, приятно, что я все еще умею удивлять красивых мужчин. Хоть и находясь в чужом теле. Хоть и этот мужчина — мой заклятый враг. Несносный и несговорчивый.

— Слушайте, мне все равно, во что вы там верите, — отсмеявшись, сказала я. — Но я не могу вам позволить уничтожить мой сад.

— Ну конечно, — холодно сказал Блэйк. — Он нужен вам для ваших чудовищных экспериментов.

Я помрачнела. Как многое он знал из того, о чем я читала в дневнике Адалин? Или, будучи дозорным, он знал даже больше? Я не могла позволить, чтобы его недоверие лишило меня шанса спасти дриаду и чистую волшебную силу

сада Линнери.

Шушунья встревоженно пружинила на лапках, с надеждой поглядывая на меня. Ей не нужно было ничего говорить — я и без того понимала, о чем она думает и о чем мысленно меня просит. Охваченная беспокойством, она обняла лапками свой хвост. Такая незащитная поза, что мне нестерпимо захотелось ее обнять. Но этим я ей не помогу.

Я должна убедить лорда Блэйка в своей правоте. Или хотя бы выиграть время.

— Я верю... Нет, я чувствую, что для сада еще не все потеряно, — с жаром сказала я. — Его можно восстановить. И что бы вы там ни думали, скверну я не распространяла. Возможно, она теперь делает это сама по себе, как некая... живая энергия, я не знаю. Но я сделаю все, чтобы ее остановить.

Лорд Блэйк изучал мое лицо все тем же сощуренным взглядом. Недоверие в нем лилось через край. Хватило бы и на десятерых.

— Вы, Адалин Линнери, хотите остановить темную силу, которой все это время питались, словно комар — кровью? И зачем это вам?

— Затем, что эта сила больше мне не нужна.

— Побочные эффекты? — живо осведомился Блэйк.

Отчасти это правда: Адалин ведь умерла. Как бы она ни использовала тьму для своих целей, та ее в конце концов погубила. Однако объяснять все это Блэйку я не собиралась тоже. И о моем иномирном происхождении знать ему не сле-

дует.

Кто знает, не сочтет ли Орден Света его таким же противоестественным, как темную силу Адалин? И что тогда со мной будет?

Чтобы это понять, мне нужно узнать о новом мире чуть больше. А до тех пор эту тайну я доверю лишь избранным.

И лорд Блэйк в этот список точно не войдет.

— А вы и рады, да? — сухо спросила я.

Он пожал плечами.

— Какой резон скрывать? Нечасто случается видеть, как справедливость торжествует сама по себе, без усилий с нашей стороны, и как виновника настигает кара. Это внушает надежду.

Я в гневе воззрилась на него. Может, и глупо оскорбляться на то, что он считает меня средоточием зла, но я, как и он раньше, чувствовала себя уязвленной. Бумеранг вернулся. Неприятное ощущение, что ни говори.

— Слушайте, мы оба заинтересованы в том, чтобы сады вернули свою силу, а скверна ушла, верно? — теряя остатки терпения, выпалила я. — Просто дайте мне немного времени. Мне нужно во всем разобраться.

И снова этот пытливый взгляд темных глаз... Казалось, Блэйк заглядывает мне прямо в душу.

Он эффектно, веером, сжал пальцы в кулак, и белое пламя в его руке резко погасло.

— Я буду наблюдать за вами, Адалин, — низким, вкрад-

чивым голосом сказал лорд Блэйк. — Только попробуйте обмануть меня.

Я подалась вперед, чтобы высказать все, что я думаю о его угрозах. И о нем самом.

Блэйк отступил на шаг и в то же мгновение растворился в тенях.

Вот тебе и поборник света...

13. Цена ошибки

Итак, я сумела выиграть немного времени. Тэйн Элджернон Блэйк не станет выжигать сады своим белым пламенем... чем бы оно ни было.

Вопрос в том, что мне делать дальше.

Как оказалось, Блэйк в очередной раз вторгся в мое поместье почти перед самым рассветом. Возможно, того требовал ритуал. Как бы то ни было, пока я в глубочайшей задумчивости прохаживалась перед садовой аркой, а Шушунья грациозно, как кошка, шествовала туда-сюда рядом со мной, наступил рассвет.

Я резко остановилась, вглядываясь в глубину сада.

— Шушунья...

Та с готовностью подняла мордочку.

— Ты можешь снова провести меня к своей знакомой дриаде?

— К Дафне? — Белкокошка поежилась. — Ох, ты уверена? Может, лучше не надо? Помнишь же, как было в прошлый раз. Вся эта темнота — не люблю темноту, — а еще такая неприятная магия... Было жутенько.

Жутенько — очень мягкое описание случившегося. Я помню разлитую в воздухе магию, тяжелую давящую энергию, которая словно гнула меня к земле. Из-за манипуляций Адалин с садом дриада Дафна сильно изменилась, но не

утратила свою магию полностью.

И та, кажется, изменилась тоже.

Но помощи ждать мне особенно не от кого. У кого еще узнать, что именно произошло и как это исправить? На эту роль лучше всего подходил тот, кто напрямую пострадал от действий Адалин.

Хотя приятным этот разговор определенно не будет.

— Да, Шушунья, я уверена.

Я не привыкла бежать от проблем и неудобных разговоров. Смертельно опасных разговоров в моей прошлой жизни, конечно, не было, но... Все бывает в первый раз.

Здесь я окружена если не врагами, то людьми, которые откровенно меня недолюбливают. Пора понять, что же мне с этим делать.

Шушунья тяжело вздохнула и, помявшись в нерешительности, все же помчалась вперед. Я едва поспевала за ее быстрыми лапками. Ориентиром мне служил мелькающий среди погибших кустов и растений хвост — пушистый и рыжий.

Когда мы добрались до окраины сада, меня снова ждал проход через стену из плюща и жимолости, оказавшейся искусной иллюзией. Как и в прошлый раз, я прошла через нее с закрытыми глазами, пока Шушунья не пискнула: “Все, можешь открывать”.

Стоило это сделать, и я столкнулась с очень недружелюбным взглядом Дафны. Запах в ее пещере не изменился: все та же прелость, затхлость и увядание. Все то же ощущение,

что я нахожусь в склепе. Бр-р-р.

И Дафна, увы, осталась прежней. Ее тело покрывала темная кора, а выглядывающая из-под нее кожа выглядела мертвенно-бледной. Она стояла, согнувшись, будто что-то неумолимо тянуло ее к земле. Что-то подсказывало мне, прежде она, дитя природы, была куда элегантнее. Она была тонкой и гибкой, словно ивовый прут.

А теперь осталась лишь слабая тень.

— Что ты здесь делаешь? — Дафна шипела, словно змея. Перевела полный укора взгляд на Шушунью. — Зачем ты ее привела?

— Она хочет помочь, — затараторила белкокошка. — Правда-правда хочет!

— И ты ей веришь? Адалин Линнери нет доверия.

— Так я и не совсем Адалин, — спокойно отозвалась я. — Ей принадлежит мое тело, возможно, отголосок магии, пользоваться которой я все равно не стану. Но душа у меня иная. Разве ты этого не чувствуешь?

— Нет, — зло выплюнула Дафна. — Ты лишила меня способности ощущать окружающий мир. — Она закрыла глаза, и ее лицо исказила гримаса боли. Вряд ли физической. — Я больше не слышу, как поют птицы в кронах и как шепчет листва. Не чувствую сок, текущий по древесным венам. Не вижу, как далеко простираются корни сада Линнери. Ты лишила меня всего этого. Ты забрала у меня все.

От боли в голосе дриады что-то сжалось у меня внутри.

Даже несмотря на то, что не я была причиной происходящего. В ее глазах — была.

— Я готова на все, чтобы возродить сады, — шагнув вперед, выдохнула я. — И я хочу помочь тебе и другим дриадам. Но ты — моя единственная надежда. Если ты откажешь, этого никогда уже не случится. Потому что мне просто не к кому идти за помощью.

Поднявшись на задние лапки, Шушунья обняла пушистый хвост. Как я понимаю, у нее этот жест — вроде привычки людей нервно грызть ногти. Я же выжидающе смотрела на Дафну. От ее решения сейчас зависело многое.

— Я боюсь тебе верить, — хрипло сказала дриада. — Но что мне терять?

Я сглотнула. Ее слова обжигали.

— Ты расскажешь мне, что за сила наполняет сад и можно ли ее изгнать?

— Я пыталась. Не вышло.

— Но, возможно, сможет кто-то другой? — мягко спросила я. — Что, если попробовать тебя исцелить? Это сработает?

Дафна сгорбила плечи.

— Я не знаю.

— Значит, стоит попробовать. — Я вгляделась в ее лицо, надеюсь, что она прочитает в моих глазах искреннее участие. — Я вернусь к тебе с магом-целителем. Но для этого мне нужно рассказать ему о тебе.

Дафна тут же ошетибилась, но затем гнев в ее глазах сменился усталостью. Ей надоело быть такой — половинчатой, неправильной дриадой.

— Хорошо. Но если ты или он посмеете навредить мне...

Она подалась вперед, вскинула руки. Я снова ощутила импульс выпущенной на свободу дикой магии. Дышать стало тяжелее. А затем по моей руке вверх поползла лоза. Она обернулась вокруг моей шеи, сдавила — сначала мягко, но с каждым мгновением — все сильнее.

Стоит ли говорить, что дышать стало и вовсе невозможно?

— Дафна, — пискнула Шушунья.

В ее тоненьком голоске звучала мольба.

Но дриада еще не закончила. Ее магия закружилась вокруг меня в темном водовороте — невидимая, но осязаемая. А в ошейнике из лозы проступили шипы.

Я бы ойкнула, если бы могла. Закусив губу, сдержала стон.

Дафна расширенными глазами смотрела на мою шею. Капля крови, проступившая на коже, словно отрезвила ее.

Дриада отшатнулась, почти сливаясь с тенью, и хватка на моей шее ослабла. Спустя мгновение лоза исчезла совсем.

— Уходи, — донеслось до меня из полумрака.

Я поспешила последовать “совету”. Взволнованная Шушунья засеменила за мной.

— Ты не думай, Дафна не всегда такая, — запричитала она, когда мы оказались за пределами пещеры. — То есть

она вообще раньше такой не была.

— Она потеряла все по вине Адалин, — глухо сказала я.
— Свою семью и клан, свою светлую природную силу.

Я должна была злиться на Дафну на это пугающее представление, но вместо этого злилась на Адалин.

Вопрос лишь в том, сумею ли я исправить чужую ошибку.
И если да, какой будет цена.

14. Помощь Себастьяна

Когда мы вернулись в дом, я предложила Шушунье подождать Себастьяна вместе со мной.

— Ой, правда? — обрадовалась она.

Перешагнула порог особняка, по устоявшейся уже привычке прижимая хвостик к груди. С любопытством огляделась по сторонам.

— Ты что, никогда не была внутри?

— Не-а. Вы же... Ну то есть прежняя леди Линнери меня не очень любила. Ну то есть не только меня, но и других обитателей сада.

“И в целом, кажется, она не очень любила людей,” — мысленно добавила я.

— Так что она велела нам оставаться подальше от ее стен. Говорила, мы пачкаем ее светлые полы садовой грязью и листьями.

Шушунья тряхнула головой. Будто в подтверждение ее слов с пушистой головы слетел выпавший из венца листок.

— Ой-ой. — Она виновато взглянула на меня.

— Ничего страшного, — улыбнувшись, заверила я.

Да уж, сразу становится ясно: за работой в саду белоручка Адалин не провела ни дня. Сад интересовал ее исключительно как источник силы.

Словно почуяв грязь, коснувшуюся пола, из дверей кухни

появилась Милли. Увидев Шушунью, всплеснула руками.

— Боже мой, какая прелесть!

Белкокошка польщено зажмурилась. Если бы не пушистый мех, покрывающий щечки, точно бы покраснела.

Поразительно, но эти двое, годами живущие в одном поместье, не были друг с другом знакомы. Что я и поспешила исправить.

— Милли, это Шушунья, Шушунья — Милли.

Не успела я оглянуться, а Шушунья уже сидела на руках Милли. Та почесывала ее за ушками. Из глубин беличьего тела раздался негромкий звук. Она что, мурчит?!

Смешно, но меня укололо нечто похожее на ревность. Ту, которую человек испытывает, когда его питомец в качестве любимого хозяина выбирает кого-то другого, а не тебя, хотя ты его кормил, холил и лелеял.

Однако это не совсем справедливо. Шушунья не была питомцем. Она была разумным, говорящим существом. Но разве ей не полагалось быть моим фамильяром? Хотя с чего бы это? Я даже не знала, владела ли она какой-либо магической силой. А вот сила, спрятанная в теле Адалин, была темной и наверняка чуждой существам, подобным Шушунье.

Ну вот, теперь мне по-настоящему грустно.

Чтобы скрасить ожидание, Милли предложила подать чай. Она не обошла вниманием и Шушунью, и специально для нее налила чай в блюдце, из которого та с удовольствием стала лакать.

— Как это... вкусно!

— С печеньками — еще вкусней! — заверила Милли.

Бросилась на кухню за, собственно, печеньками — подтвердить свою правоту.

Когда Себастьян пришел в мой дом, мы вдвоем уже поджидали его в гостиной. Утомительным ожидание не было — мы за обе щеки уплетали печенья, запивая их чаем. Милли поначалу отказывалась есть и пить в моем присутствии — я ведь была ее хозяйкой а она — служанкой. Пришлось буквально приказать ей принести еще одну чашку и взять из хрустальной вазочки хрустящий песочный десерт.

Да, этот мир живет по своим собственным законам. Но пусть приличия соблюдаются где-то там, за пределами моего дома. Должны же у моего положения быть какие-то плюсы?

В общем, я решила: делаю, что хочу, если это мне не вредит.

Когда в дверь постучали, Милли бросилась открывать. Вскоре на пороге гостиной появился Себастьян. Он окинул взглядом три неполные чашки, вазочку с печеньем и восседающую на столе Шушунью — стул был слишком низок для нее.

На губах Себастьяна появилась улыбка, в уголках глаз обозначились лучики морщинок — тоненьких, едва заметных, но придающих ему особый шарм. Взгляд его серых глаз потеплел еще больше. И как они могли показаться мне холодными при нашей первой встрече? Или они были таковы-

ми для настоящей — темной — Адалин?

Но даже зная, чего от нее ждать, Себастьян не отказался ей помогать. Это лишь укрепляло мою симпатию к нему.

Потому я была уверена, что и Дафне он не откажет. Но для начала его нужно было ввести в курс дела.

— Себастьян, я ждала вас.

Его глаза вспыхнули радостью, и мне стало неловко. Неужели он углядел в моих словах двойной смысл? Если и так, я этого не хотела. Мне бы разобраться с собственной жизнью... Прежде, чем вплетать в нее кого-то другого.

Я мысленно покачала головой. Неужели после всех этих прожитых лет, после замужества и развода я готова снова влюбиться?

Возможно, виной всему новое молодое тело или отголоски сознания Адалин, стремящейся жить, что называется, “на полную катушку”, но я чувствовала себя совсем иначе. Другой, обновленной, будто и впрямь начала жизнь с нуля. Ну или хотя бы с двадцати с небольшим лет.

Что, согласитесь, тоже очень неплохо.

Но думать обо всем этом слишком рано. Сложностей в моей новой жизни и без того хватает.

— Здесь, в садах поместья обитает дриада по имени Дафна. Я не знаю точно, что именно с ней произошло, но ее, кажется, изменила темная сила.

Я не стала уточнять, что эту силу призывала я, Адалин. Не знаю, как многое известно Себастьяну. И, честно говоря,

не хочу, чтобы он считал меня чудовищем.

Если Себастьян и был огорчен причиной моего ожидания, то никак этого не показал.

— Дриады черпают силу у природы. Если сады изменились, то это действительно могло повлиять на нее. Но мне тьму не изгнать — ни из садов, ни из самой дриады.

— Я вас об этом и не прошу. Вы можете помочь ей, как помогали мне — зельями и отварами? В ней ведь есть частица человеческой сущности, верно?

— Да, есть. Возможно, с помощью определенных снадобий я мог бы повлиять и на ее природную суть, — задумчиво проговорил он. — Попытаться определенно стоит. Но для начала мне нужно взглянуть на нее.

Я кивнула.

— Идемте.

Мы шли по узкой дорожке сада рядом друг с другом. Порой невзначай касались друг друга плечом. Всякий раз при этом на лице Себастьяна появлялась тень смущения. Но мне отчего-то казалось, что это мимолетное прикосновение было ему приятно.

Разумеется, за нами следовала и Шушунья. Такой причудливой троицей мы и вошли в пещеру.

— Иллюзия, — изумлялся Себастьян, проходя через созданный магией плющ. — Даже не знал, что она есть в вашем саду, миледи.

— Я защищаю себя от незваных гостей, — с достоинством

сказала встречающая нас Дафна.

Она не могла разогнуться полностью, и от ее позы мне становилось физически больно. Хоть бы только Себастьян ей помог...

— Дафна, верно? — со свойственной ему мягкостью спросил он. — Ты позволишь мне исследовать тебя?

— Что мне нужно делать?

В голосе дриады звучало напряжение. Кажется, она не доверяла никому — даже тем, кто хотел прийти ей на помощь. А может, она не доверяла тем, кто был, так или иначе, связан с Адалин.

Я подавила вздох. Я ничем не помогу Дафне и другим дриадам, если постоянно буду мучиться чувством вины — за то, чье лицо ношу в этом мире. Оно — лишь маска. Моя душа не имеет ничего общего с темной душой Адалин.

— Ничего, просто постоять спокойно, пока я осматриваю тебя внутренним зрением.

Наверняка Дафна знала, что это такое, но все равно не сводила с Себастьяна настороженных глаз цвета мокрой листвы. Тело казалось скованным. Она напоминала мне дикого зверька, который случайно выскочил на дорогу и застыл под ярким светом фар.

Я вдруг поняла, что ни один человек в этом мире не понял бы мою аналогию. Автомобили остались для меня в далеком — во всех смыслах — прошлом.

Себастьян тем временем подошел к Дафне, но застыл на

расстоянии вытянутой руки от нее. Как будто боялся спугнуть. Впрочем, не напрасно. А это он еще не знал о ее изменившейся силе и способности призывать шипастую лозу.

Ох. Надо было его предупредить.

Однако под его мягким и дружелюбным взглядом Дафна, пусть и не сразу, но расслабилась. Даже позволила себе прикрыть глаза. Я понимала ее. В обществе Себастьяна и мне было хорошо и спокойно. Он был из тех людей, кто способен унять твою тревогу голосом, взглядом и нужным словом. Или даже одним своим присутствием.

Как и в прошлый раз, я не видела магии, которую призывал Себастьян. Но ощутила ее, как легкое дуновение ветерка, ласкового и прохладного бриза.

— Теперь я понимаю, — наконец тихо сказал он. — Не буду скрывать, Дафна, я не имел дела с подобного рода напастью. Она связана и с темным проклятием, поразившем сады, и одновременно с этим тесно переплетена с твоей сущностью. Но я сделаю все возможное, чтобы найти решение.

Она поджала губы и неохотно кивнула. Явно не привыкла полагаться на чье-то слово. Но выбора у нее не было.

Оставалось только надеяться, что Себастьян сможет ей помочь. Больше никому.

15. Новая встреча

И снова приходилось ждать, и снова — Себастьяна. Бездействие сводило меня с ума и отрицательно влияла на мое настроение. А потому, даже прекрасно осознавая последствия, я все же вернулась в сад и, засучив рукава, принялась убирать сорняки, терн, колючки, шипы — ужасные шрамы, оставшиеся после проклятия.

В воздухе висел невидимый, но ощутимый кожей гнилостный запах, прибывающий к земле и без того поникшие цветы. Закрыв глаза, я попыталась почувствовать пульс сада, но вместо этого ощутила лишь холодную, липкую пустоту, как будто кто-то вырвал саму душу из этого места. Темная энергия, словно ядовитый дым, просачивалась сквозь землю, пропитывая даже корни.

Садовые ножницы врезались в толстые, узловатые стебли дикой лозы, чьи колючки пытались вцепиться в мои перчатки, будто хищные зубы. Пробивались сквозь ткань, оставляя на коже ощущение зудящего покалывания. Я срезала побег за побегом, словно пытаюсь искоренить не просто растение, а саму злобу, пропитавшую сад.

Опустившись на колени, обхватила жилистые, цепкие стебли сорняков обеими руками. Земля была твердой, будто окаменевшей, и корни уходили глубоко, словно пытаюсь удержать проклятие внутри. Я тянула, напрягая каждый му-

скул, чувствуя, как в пояснице простреливает боль.

В первый раз вместо того, чтобы показаться наружу, сорняк оборвался, оставляя в земле обрывок корня. Он вновь прорастет, усиленный темной энергией. После нескольких безуспешных попыток я вгрызаясь лопаткой в землю вокруг сорняка и не без труда освободила его из цепких объятий.

Я тянула сорняк медленно, осторожно, чтобы на этот раз вырвать его вместе со всем корнем. Когда он, наконец, поддался, ощутила ликование. Как будто я вырвала и уничтожила частицу самого проклятия. Жаль только, что это не так.

Каждый вырванный сорняк давался мне нелегко. Противился, словно был живым и не хотел покидать насиженное место. Пыль, поднявшаяся от земли, ложилась на язык горьким привкусом пепла.

Сад не просто болен — проклятие крепко держит его в своей когтистой лапе. Есть ли способ его освободить?

Надеюсь, что есть.

С удвоенной энергией я взялась за сорняки. За этим занятием меня и застал... нет, не Себастьян. Лорд, будь он неладен, Тэйн Элджернон Блэйк.

На нем был безупречный белоснежный камзол с небрежно наброшенным на плечи белым плащом. На дозорного, простого члена ордена, он походил меньше всего.

Я кожей чуяла секреты, который лорд Блэйк тщательно скрывал от остальных. Жаль только, не могла так легко узнать, в чем они заключались.

— Что вы делаете? — склонив голову набок, словно птица, осведомился он.

Этот его низкий бархатный голос... Если бы он принадлежал кому-то другому, я назвала бы его чарующим или даже... соблазнительным. Такие же бархатные, словно безлунная ночь, глаза, казались бездонными. Изучали меня так, будто я — самая любопытная вещь во вселенной.

Добавить к этому лощеный вид красавца-аристократа и почти безупречные манеры (за исключением привычки вторгаться на мою землю), и можно с легкостью понять, как много девушек отдали бы все за его внимание.

Многие, но уж точно не я.

— Что вы здесь делаете? — вместо ответа недружелюбным тоном спросила я, делая акцент на слове “вы”.

Он пожал плечами.

— Я сказал, что буду присматривать за вами.

— Нет, не сказали.

— Правда? — Блэйка это не смутило. — Хм, значит, только хотел сказать.

Я поморщилась.

— В любом случае, “присматривать” — не значит “преследовать”.

— А есть разница?

Я в упор уставилась на него. Если лорд и шутил, то по его лицу сказать это было невозможно. И вообще... Шутки и он? Как-то это не вязалось с его образом.

И с его ненавистью ко мне.

— Как вы проникли через барьер? Я знаю, что сейчас его уже нет. Но как вы попали сюда изначально?

— Вы правда не понимаете? — недоуменно вздернул брови лорд Блэйк.

— А зачем мне, в таком случае, сотрясать воздух? — холодно спросила я. — Да еще и спрашивать именно вас?

На укол он никак не отреагировал, будто и вовсе не заметил. Невозмутимый и непоколебимый, как скала.

— Барьер был порожден светлой магией. Когда вы призвали темную, она проделала в щите над поместьем брешь.

Я нахмурилась.

— Не ожидали такого исхода? — поинтересовался Блэйк. — Я думал, темная волшебница вроде вас рассчитывает все. Или вы настолько увлеклись силой, которая текла в ваши руки?

Голос лорда к концу фразы совсем заledenел.

— Ой, вот только не надо меня воспитывать, — поморщилась я.

— Даже и не собирался. Понимаю, насколько это бессмысленно. Однажды поселившуюся в человеческом сердце тьму уже не изгнать.

Вот значит, какой он меня считал — неисправимой злодейкой. Неужели никакие мои действия не способны это изменить?

Впрочем... Какое мне вообще дело, что обо мне думает

лорд Блэйк?

Я не собиралась оправдываться и убеждать, что в гибели сада виновата не я. А больше нам говорить было не о чем. Потому я, не обращая внимания на лорда, вернулась к работе. Сорняки сами себя не уничтожат.

— Зачем вы это делаете? — почти не меняя интонации, спросил Блэйк. — Вы же знаете, что уже сегодня ночью они вырастут снова?

— Знаю. Просто хочу занять чем-то руки. Кроме того... меня это успокаивает.

— Вы, Адалин Линнери, и встревожены? — усмехнулся Блэйк.

Я пронзила его пылким взглядом, однако на него это впечатления не произвело.

— Думайте что хотите.

— Хм.

В этом коротком “хм” было столько всего... И он продолжал изучать меня своими темными глазами. Как будто видел во мне какую-то загадку.

И даже, быть может, хотел ее разгадать.

16. Снадобье

Разговор с лордом Блэйком ни к чему ровным счетом не привел. Он в своей холодной манере немного ехидного аристократа сделал парочку намеков на то, что перед ним — зло вселенского масштаба, я лениво поогрызалась, не отрываясь от дела.

На том и разошлись.

Зачем он вообще приходил? Хотел застать меня за каким-нибудь темным ритуалом? Добыть доказательство того, что творила здесь Адалин? Или просто... понаблюдать за мной?

Последнюю мысль я решительно отвергла. Лорд Блэйк должен понимать: нам с ним не по пути.

А вот возвращению Себастьяна я искренне обрадовалась. И не только потому, что в его руках был зажат хрустальный флакон. Жидкость в нем мерцала и переливалась едва ли не всеми цветами радуги.

Я выпрямилась, улыбаясь и Себастьяну, и Шушунье, которая, вероятно, проводила его ко мне. Гордо вышагивала впереди — настолько гордо, насколько позволяли ее крохотные лапки.

— У вас получилось!

Себастьян скромно улыбнулся.

— Очень на это надеюсь.

— И что это за снадобье?

Я вытерла руки о платье прежде, чем успела остановить себя. Привыкла возиться в огороде на своей старенькой даче в том, чего не жалко. Дорогие и роскошные платья Адалин Линнери в эту категорию точно бы не вошли, но других у меня не было. И без того для похода в сад выбрала самое скромное платье. Дорожное, темно-синее, из плотной ткани, оно сильно выделялось среди шелковых и бархатных нарядов.

И все же не платья мне сейчас было жалко. Я поймала себя на том, что мне хочется выглядеть перед Себастьяном хорошо. Как глупо...

— Это снадобье — квинтэссенция живительных сил самой земли, — объяснял он, пока мы направлялись к тайному жилищу Дафны. — В его основе — сердцевина древнего дуба, по легендам впитавшая в себя вековое сияние солнца и луны. Кроме того, я добавил измельченные корни женьшеня, чтобы вытянуть из дриады остатки скверны, словно яд. Лепестки ночных лилий, собранные мной под покровом первой летней грозы, даруют силу исцеления. И, наконец, слеза горного кристалла, дабы вернуть Дафне связь с ее истинной природой. Связь, что была нарушена темным проклятием.

— Вы немало потрудились, — заметила я.

Себастьян улыбнулся.

— Мне не жаль усилий — я люблю свою работу. Главное, чтобы зелье подействовало.

Прохождение сквозь стену из плюща стало уже для меня делом почти привычным. Когда мы с Себастьяном и Шушуньей оказались под покровом иллюзии, Дафна уже ждала нас. Ее лицо было таким застывшим, словно она изо все сил старалась подавить собственные эмоции.

Впрочем, напрасно — изумрудные глаза, лихорадочно горящие на бледном лице с вкраплениями древесной коры, выдавали ее волнение.

— Это оно? — с придыханием спросила дриада.

Себастьян кивнул и без лишних слов протянул ей зелье.

— Выпей это, и земля наполнит тебя своей энергией.

— Связь с землей... — прошептала Дафна. Потянулась к флакону дрожащей рукой. — Возможно, это то, чего мне не хватало.

Шушунья поднялась на задние лапки и вытянула пушистую шею, во все глаза глядя на дриаду. Не удивлюсь, если она, как и я, невольно затаила дыхание.

Дриада выпила зелье до последней капли. Постояла с закрытыми глазами, словно прислушиваясь к внутренним ощущениям.

— Ну и? — не вытерпела я.

— Я чувствую... прилив сил.

Однако ее лицо не разгладилось, и в открывшихся изумрудных глазах я разглядела печаль. И не только я. Шушунья опустилась на четыре лапки, издав разочарованный писк. И, съежившись, как будто уменьшилась в размерах.

Пушистая кроха переживала за Дафну как за родного ей человека.

— Этого недостаточно, верно? — понял Себастьян. На него было больно смотреть. — Даже приглушить проклятие не вышло?

— Не корите себя, — с чувством попросила я. — Мы же знали, что избавиться от него будет не так просто.

— Тьма всегда сильнее, — сдавленно сказал целитель. — И моего света, увы, не хватает, чтобы противостоять ей.

Я мотнула головой, не желая соглашаться ни с одним из утверждений.

— Не говорите так. Еще не все потеряно. Мы еще не ис-пробовали всего. Дафна, ты знаешь, в чем может быть дело?

Она потрясла флакон, словно взбалтывая воздух. Отрывисто сказала:

— Силы земли недостаточно. Теперь я это понимаю. Мне нужна чистая природная сила, отражение моей собственной сути, утерянной из-за окутавшей сад тьмы.

Ей нужна была энергия природы... Я резко вскинула голову.

— Что, если тебе переселиться в какой-нибудь лес или в те же сады, но не тронутые проклятием?

— Ты прогоняешь меня? — резко спросила Дафна.

Я вздохнула. Как же она вспыльчива и недоверчива... Напоминает подростка в самый сложный для них (и для всех окружающих) переходный период.

— Нет, Дафна. Я лишь хочу тебе помочь.

— Я не оставлю сады, — заявила она не терпящим возражения тоном. — Здесь я была рождена. Здесь мои корни.

Я подавила новый вздох.

— Значит, возвращаемся к тому, с чего начали — нужно возродить сады.

— В этом я вам, увы, не помощник, — с горечью сказал Себастьян. — Я имею дело лишь с живыми людьми и созданиями, да и Дафне одно из моих лучших творений не помогло.

Поддавшись порыву, я сжала его ладонь. Себастьян поднял голову. В серых глазах плескалось изумление и благодарность. Шушунья переводила любопытный взгляд с него на меня и обратно. Я же усиленно делала вид, что ничего такого не произошло.

С некоторой неохотой отпустила теплую руку Себастьяна. Постояла в задумчивости, невидяще глядя перед собой. Без особого восторга сказала:

— Я знаю, кто может мне помочь.

Вот только... станет ли?

17. Просьба о помощи

Кто еще мог знать о разного рода магических проклятиях, если не верховная магесса Гильдии магов? Об этом я и сказала Себастьяну, пока Шушунья и Дафна что-то негромко обсуждали в уголке пещеры.

— Насколько я помню, ваша прошлая встреча не задалась, — заметил он.

Это, пожалуй, еще мягко сказано. Меня просто-напросто выставили за дверь. И вдобавок указали на то, что в Элдервуде мне не место.

— Знаю, но это неважно. Если я хочу найти способ помочь Дафне и ее сестрам-дриадам, мне придется найти с верховной магессой общий язык.

— Могу лишь пожелать вам удачи, миледи, — усмехнулся Себастьян.

Что-то в его голосе и помрачневшем взгляде мне решительно не понравилось.

— Может, мне пойти с вами? — с усилием, словно перебарывая себя, проговорил он.

Первым моим порывом было отказаться. Еще одна встреча с магессой могла иметь такой же результат. А мне, честно говоря, не очень хочется чувствовать себя поднятой за шкуру, словно нашкодивший котенок, на глазах Себастьяна.

Да, я понимала, что это неразумно и как-то по-ребячески, но ничего не могла с собой поделать. Когда я говорила о своем намерении помочь Дафне, он смотрел на меня так, будто видел во мне невероятно смелую, решительную и, главное, добрую девушку.

Вот только весь остальной город, похоже, ненавидел Адалин Линнери. И мне не хотелось напоминать Себастьяну о том, какой она была в глазах других.

Но я не могла ставить его симпатию превыше всего.

— Что ж, ваша репутация там куда лучше моей, так что...

И снова эта усмешка — холодная и колкая, так не идущая мягким чертам Себастьяна.

— Я бы на вашем месте не спешил с выводами, миледи.

Я насторожилась еще сильнее.

— Есть что-то, о чем мне стоит знать?

— Пожалуй, да. Верховную магессу Элдервуда зовут Элоиз Дерон.

— Дерон, — вскинув бровь, протянула я.

— Именно. — Себастьян выдавил улыбку. — Моя дражайшая старшая сестра.

Моя бровь поднялась еще выше. Элоиз никак не выглядела старше Себастьяна.

Он с легкостью угадал мои мысли.

— Маги такого уровня, как Элоиз, овладевают особым контролем над жизненной энергией. Они дольше живут и выглядят куда моложе.

— Вы тоже из этих “высокоуровневых” магов?

Врожденная скромность могла не позволить Себастьяну упомянуть себя наряду с родной сестрой.

Он покачал головой.

— Нет. Но к ним относятся две другие моих сестры, оба брата и моя мать.

В его голосе снова проявилась уже знакомая мне горечь.

— И все же семейное счастье ваша матушка явно ставила превыше всего остального, — улыбнулась я.

Себастьян пожал плечами.

— Или же она хотела, чтобы сила рода Дерон не угасла с ее смертью. Последнего ребенка, мою младшую сестру, она родила, когда ей было около шестидесяти. При этом отказалась от моей помощи, как целителя. Она госпоже Дерон была попросту не нужна.

Я поморгала.

— А сейчас ей...

— Около восьмидесяти, но этого, я вас уверяю, не сможет предположить ни один человек, даже обладающий истинным зрением. Как я, например. И прошу вас, миледи, если судьба когда-нибудь столкнет вас с моей матерью, не выдавайте, что узнали от меня ее возраст. Если вы не хотите моей скоропостижной смерти.

Я провела пальцем по губам, словно застегивая невидимую молнию и небрежным жестом “выбросила ключ”.

— Эта тайна умрет вместе со мной.

Себастьян наконец улыбнулся искренне, озорно, а не вымученно, как прежде. Я не могла не заметить, что его взгляд задержался на моих губах чуть дольше, чем следовало.

И чуть меньше, чем хотелось нам обоим.

— Достаточно разговоров о смерти, миледи, — подняв взгляд, с улыбкой проговорил он. — Рядом с вами только о жизни и говорить.

У меня от его слов и проникновенного тона перехватило дыхание. От внимания Себастьяна определенно не укрылось, как сильно переменялась Адалин. Неужели он был готов простить ей даже ее прошлое?

Это многое говорило и о нем самом, и о том, какие эмоции она — я — в нем вызывала.

Я отвела взгляд. Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы восстановить сады и обелить имя Адалин Линнери. Мое имя, с которым мне предстояло жить.

Если чувства Себастьяна сильны и не мимолетны, он дождется меня. Если нет...

— Я не буду отговаривать вас идти со мной, — сказала я. — Более того, буду рада вашему обществу.

Улыбка Себастьяна немного увяла — должно быть, он рассчитывал, что я поддержу его ненавязчивый и весьма учтивый флирт. Но последняя фраза его немного приободрила.

Он предложил мне свой локоть.

— Тогда идемте, миледи.

Мы направились к выходу. Шушунья за нами не последовала. Дафна — тем более. Она не попрощалась с нами. Стояла, отвернувшись к стене пещеры. Но даже по позе и напряженной спине остро чувствовалось разочарование дриады.

У меня сжалось сердце. Я должна во что бы то ни стало ей помочь.

В Гильдии снова царило оживление. Облаченные в мантии маги сновали туда-сюда, бурно обсуждали магические доктрины, теории и эксперименты или с головой погружались в изучение древних фолиантов.

Сдается мне, в этот раз к верховной магессе меня так легко бы не пропустили. Один из магов и вовсе бросился мне наперерез. Что же Элоиз ему наговорила? Нет, даже знать не хочу.

Маг застыл, увидев рядом со мной Себастьяна, и в нерешительности потоптался на месте.

— Добрый день, господин Дерон. Вы хотели бы видеть вашу сестру?

— Мы хотели бы ее видеть. — Сделав акцент на слове “мы”, Себастьян послал магу свою фирменную мягкую улыбку.

— Боюсь, что верховная магесса не желает вести беседы с... эм-м-м... госпожой Линнери.

Члену Гильдии явно стоило огромного труда назвать меня

госпожой. Зная прошлое Адалин, не могу его в этом винить.

Себастьян извинился передо мной взглядом. Аккуратно коснулся локтя мага кончиками пальцев и отвел его в сторону. Пусть я не знаю конкретных сказанных ему слов, но догадываюсь, о чем они говорили. Себастьян ручался за меня.

Я вздохнула. Настоящая Адалин Линнери определенно его не заслуживала.

Каким-то образом я знала, что у Себастьяна все получится. Так и вышло. Маг выглядел хмурым, и на его лице явно читалось неодобрение. Однако он все же позволил нам подняться наверх.

Интересно, Элоиз предупредят о моем визите или ее будет ждать сюрприз?

Оказалось, первое. Когда мы с Себастьяном вошли в кабинет, она стояла у стола, скрестив руки на груди и выжидающе глядя в нашу сторону.

Вопреки ожиданиям, Себастьян не подошел к ней, чтобы поцеловать в щеку, а застыл рядом со мной.

— Госпожа верховная магесса, — протянул он.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Себастьян, — кивнула она.

Теперь, зная некоторые секреты семьи Дерон, я уже внимательнее вгляделась в бледное лицо Элоиз. Ее глаза были такими же серыми, как и у Себастьяна, но отчего-то казались холоднее. Возможно, дело вовсе не в оттенке, а во взгляде. А может, и во всем ее образе: идеально прямая, как у коро-

левской особы, осанка, тонкие губы и строгие, немного резкие черты.

Я пыталась разглядеть хоть какие-то доказательства того, что она была старше Себастьяна, но потерпела неудачу. Элоиз выглядела лишь чуть старше новой меня.

Еще одно, но далеко не единственное, преимущество выдающейся магической силы.

— Снова вы? — кривя губы, спросила она. Не дав мне возможности ответить, обратилась к брату: — Я удивлена твоим выбором круга общения, Себастьян.

А вот в ее тоне и повадках чувствовалась такая спесь старшей сестры.

— Знаю, как целитель, ты помогаешь всем страждущим, но приводить ее сюда...

Я вздохнула.

— “Она” стоит прямо перед вами, госпожа Дерон, и все слышит.

— Вот и замечательно, — сухо отозвалась она.

— Послушайте, я пришла сюда не для того, чтобы выяснять отношения.

— И для чего вы пришли? Да еще и после того, как я совершенно непрозрачно намекнула, что больше не хочу видеть вас в Гильдии?

Я пропустила мимо ушей и слова Элоиз, и ее тон. Адалин их определенно заслужила. Ну а я... переживу.

— Мне нужна ваша помощь.

Таких слов от меня верховная магесса точно не ожидала. С минуту она вглядывалась в мое лицо, будто пытаясь уловить какой-то подвох.

— Знаю, вам мое поведение покажется нелогичным, странным и, возможно, даже подозрительным, но я хочу исправить все, что натворила. — Я помолчала. — Считайте это моим перерождением. Едва не умерев, я решила все начать с нуля.

Элоиз фыркнула. Вся ее поза выражала высшую степень недоверия.

— Элоиз, прошу, — тихо сказал Себастьян. — Не знаю, как объяснить происходящее, но перед тобой — не та Адалин Линнери, известная всему Элдервуду. Она действительно изменилась. Адалин заслуживает шанса. К тому же... Если ты отвернешься от нее, магию садов Линнери уже никто не вернет.

Судя по всему, эта магия была по-настоящему ценна. Потому что лишь последняя фраза заставила Элоиз крепко задуматься.

— Ну хорошо. Чего именно вы хотите?

— Для начала — помочь Дафне, одной из дриад.

Себастьян рассказал Элоиз о неудавшемся зелье, я — о словах Дафны насчет необходимой ей природной энергии.

— Что ж, раз она отказывается покидать поместье, возможно, вы могли бы для начала восстановить крохотный островок сада, чтобы он придал дриаде сил.

— Да, но как?

Элоиз встретила со мной взглядом.

— Полагаю, во всем Элдервуде есть лишь один человек, чьего света достаточно, чтобы изгнать скверну.

— Кто?

Я даже приподнялась на носочки от нетерпения. Кем бы он ни был, я должна его найти.

Однако и Элоиз сумела меня удивить.

— Бывший глава Ордена Света, лорд Тэйн Элджернон Блэйк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.